

Леонид МЕЛЬНИК

Я,

СЛАВА

ШКОЛ

И

ВУЛЯ

БОГОРАД

(байки о «Нюансе»)

ОТ АВТОРА

Для того, чтобы написать книгу, автору необходимо уметь развить сюжетную линию, иметь достаточный фактографический материал, обладать образным мышлением и держать план произведения в голове, кроме того, хорошо знать своих персонажей, заставить читателя поверить в написанное и, конечно, же, нужен талант.

Я обошелся одним талантом, так как никаких сюжетных линий и образов вы здесь не найдете, как и не найдете мало-мальского плана книги, заставить поверить в написанное вряд ли у меня получится, но что касается фактов – их более, чем предостаточно. Да и мои герои, вот они, всегда рядом!

Я провел с ними десять замечательных лет, и, надеюсь, что это взаимно (стихи К. Ваншенкина, музыка Э. Колмановского), и, думаю, что проведем еще не одно десятилетие вместе, потому что как сказал мальчик-паж в фильме «Золушка» - «... дружба помогает нам делать настоящие чудеса!»

А о том, что мы начудесили за эти десять лет любой может узнать из нашего сайта: www.cartoon.spb.ru

Уважаемому арт-центру «Борей» группа «Нюанс» выражает даже не спасибо, а огромное русское - благодарствуйте! за помощь в издании этой книги.

© Тест Леонид Мельник

© Рисунки Виктор Богорад
Леонид Мельник
Вячеслав Шилов

© Дизайн Ирина Максименко

У

Богорада – день рождения, размышляем, что ему подарить. Шилов вспомнил, что Богорада хотел сумку. Отправляемся в Пассаж, покупаем замечательную дорожную сумку. Просто так дарить сумку – моветон. Решаем: чтобы было достовернее надо ее чем-то набить. На мое предложение набить сумку фруктами Шилов выдвигает более радикальное предложение – не фрукты, а обычную картошку. Покупаем килограммов тридцать картофеля, расфасовываем в пакетики граммов по триста-четырееста (утомительнейшее и противнейшее занятие), а чтобы был еще и момент сюрприза, в один из пакетов засовываем пачку презервативов. Все это складываем в сумку и тащим имениннику. Богорада должен найти главный, якобы, приз. Сумке он рад, хотя, как сам признался позднее, так и не понял, что именно ему подарили – сумку или картошку. Груда картошки вызывает у него тихий и неподдельный ужас (так как ее на удивление много). Он методично открывает каждый пакетик, высыпает содержимое и открывает следующий. Димка, его сын, не выдерживает и приходит папе на помощь. Богорада увлеченно и не скрывая раздражения ищет сюрприз. Не находит. Митька радостно вытаскивает из последнего пакета презервативы. Мы с Шиловым тихо съезжаем с дивана. Хороший сюрприз для ребенка. Ничего не скажешь. Быстро заминаем тему, поднимая рюмки за здоровье. Заинтригованный мальчик весь вечер спрашивал, что же было в пакетиках, которые он нашел. Да, «веселые» шутки у взрослых людей...

Идем в М-баре, в котором наши друзья-рестораторы, организовали постоянно действующую выставку из наших работ. Идет презентация новой книжки, изданной группой «Нюанс» на свои средства. Журналисты рассматривают книжку, смеются над картинками, телевизионщики поворачивают камеры, выискивая интересный ракурс, и вдруг одна радиожурналистка задает вопрос, ставящий всех в ступор: «Название вашей группы – «НЮАНС». Ну, «ню», это понятно... А что такое «анс»?»

Как-то после очередной выставки группы Шилов и Богорад поехали на Мужества, в мастерскую, а я покатил домой, дела какие-то были. Ребята еще уговаривали поехали, мол, пива попьем, а я все отнекивался и вскоре уехал. Потом мне рассказывал Слава Шилов: сидят они, пьют пиво, но напиток заканчивается, надо идти в магазин, да вот не хочется. Вдруг по домофонной связи вызов – «откройте дверь». Богорад радостно восклицает: вот, мол, Мельник не выдержал и приехал, сейчас придет и за пивом сходит. Сидят, ждут – никто не появляется. Через минут пятнадцать позвонили мне домой: «Что, дома сидишь?» Ну да, – говорю я, – а что произошло!.. Да так, мол, ничего. Кто-то, оказывается, по ошибке их номер квартиры набрал. Вот ленивые –то...

Прилетели в Берлин. Апрель, а у них тепло. Совсем не как у нас. Подходим к таможенному контролю. Таможенник почему-то долго смотрел на меня, сканировал мою физиономию своими острыми глазами, потом произнес: «Гут!» и забабахал штемпель в старую, уже закрытую мюнхенскую визу. Слава Славе, – он обратил на этот исторический момент внимание. Подбегаю обратно, так мол и так, герр, хреновато работаете, блин. Он перелистал паспорт, опять сказал «Гут!» и уже поставил печать в положенное место. Идем в зону таможенного досмотра, Богорад куда-то шмыгнул, а мы с Шиловым вышли на тропу войны, то есть зашли в красный коридор. Откуда мы знали, что он красный, все покрашено в одинаковый цвет, что стены, что двери, что пол. Таможенные полицейские радостно оживились, – ребята везут контрабанду. Показываем сумки – ничего контрабандного нет. Обычный набор. Водка, сигареты. Трусы, носки, носовые платки. Полицейские смотрят на нас что-то непонятно им в нашем поведении, что-то очень хитро мы от них затаили, но что? Опять перерывают сумки. Носки, трусы, носовые платки. Водка, сигареты. Что так, что эдак, в чем тут фишка – не понимают. «Водка?» – спрашивает один, тыча пальцем в водку. Шилов на прекрасном английском отвечает: «Водка. В пределах дозволенного к провозу». «Сигареты?» – опять говорит немец, тыча пальцем в сигареты. «Сигареты - , говорит Шилов. – В пределах дозволенного к провозу». Таможенники вконец обалдели. Но у меня два блока сигарет, много курю. Говорю Славке, скажи, мол, что второй блок твой. Но явно не успеваем срепетировать эту ситуацию. «Вы курите?» – спрашивают Шилова. «Нет», – говорит он.

– А почему ваш товарищ говорит, что это ваши сигареты?

– Потому что это теперь мои сигареты.

– Но вы же не курите!

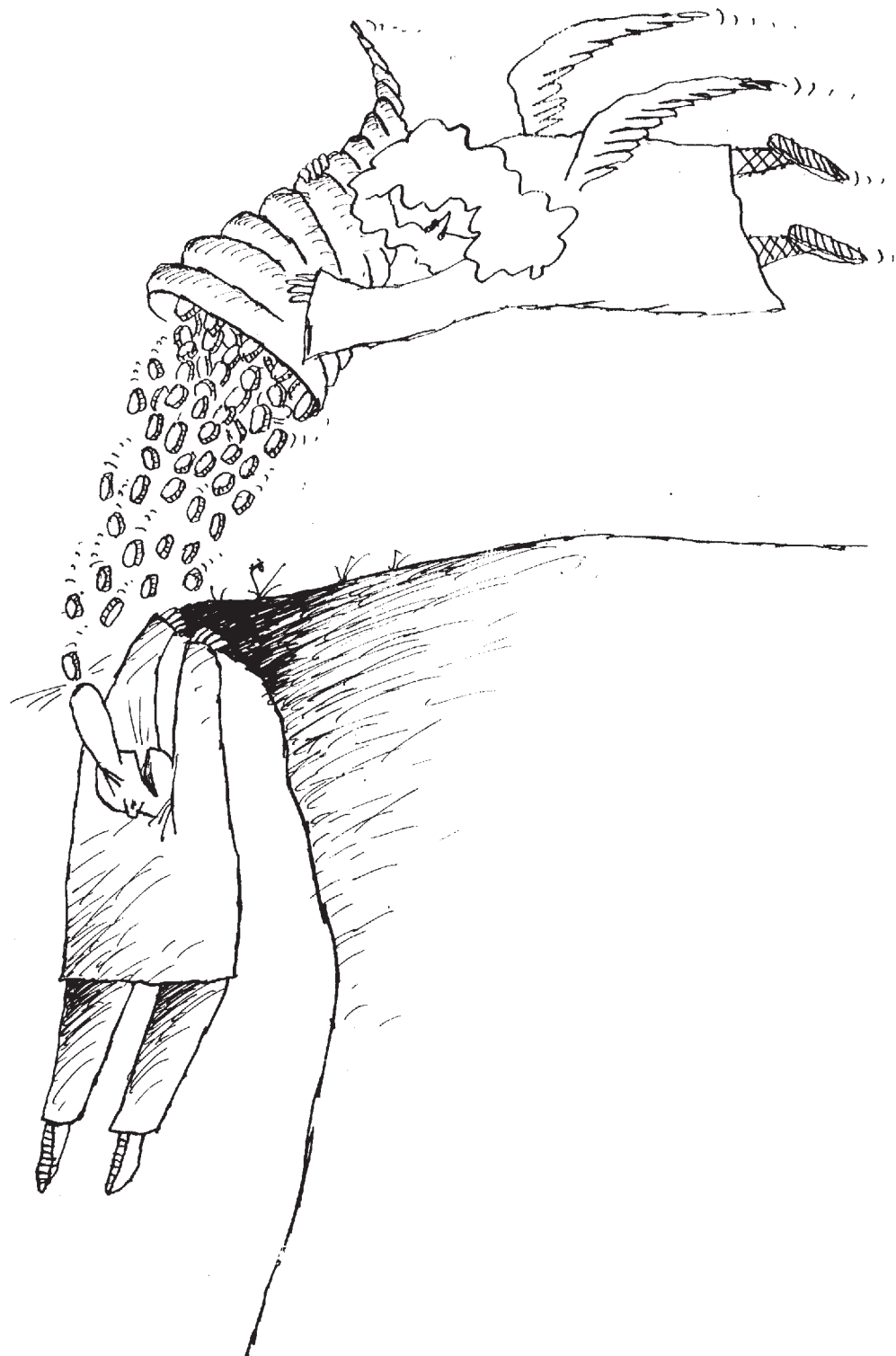
– Теперь курю!

Они окончательно обалдели. Второй что-то пробормотал, первый второму что-то громко сказал, они еще немного поругались друг с другом, потом первому надоело все: и мы с нашей «контрабандой», и товарищ его, тупой полицейский, и работа дурацкая, и мы, чукчи, зачем-то забредшие в красный коридор вместо зеленого – одним словом, махнул он рукой, мол, идите вы на хер со своей водкой и сигаретами, достали!!! Нам пофиг, мы пошли. Мы люди законопослушные. Контрабанду не возим, карикатуры рисуем, вот и все.

Вышли, а Богорад по потолку бежит. Дверь только в одну сторону открывается, ему обратно не вернуться и не подсказать нам, чтобы шли по другому коридору. Смешно... Потом было. Всем.

В

первый приезд в Мюнхен мы поначалу жили в Дахау, вернее, в гостинице «Фишер», что в Дахау. В двух шагах от гостиницы – бетонная стена с колючкой, за стеной какие-то строения. Как-то утром немцы спросили: не хотите, мол, на экскурсию в концлагерь сходить? Мы инстинктивно потрогали волосы на голове и ответили – нет.

Летим в Варшаву. Самолетик маленький и какой-то подозрительно узенький. Не долетим, думаем. Купили алкоголь. Шилов взял виски 0,5. Я и Богорад – джин «Гордон» – оба по 0,5. Летим на удивление уверенно и без болтанки. К концу полета допиваем одну бутылку джина и Славкину бутылку виски. Приземлились благополучно, погладили самолетик за его безукоризненный полет и пошли к встречающим. Через пятнадцать минут нас привезли в посольскую гостиницу, Разместились, выпили за встречу, за дружбу, за карикатуру, за группу «Нюанс», за польских друзей... У нас ведь с собой было (и немало). Утром Богорад говорит:

– Слушай, я чего-то не понял, а где люди?

– Какие люди?

– Да вон, в доме напротив!

– Строители, что ли?

– Какие нахрен строители!! Вчера в этом доме свет горел, люди веселились, танцевали, музыка играла...

Поглядел я туда, куда он показал, вижу только стройку с пустыми глазницами окон. Посмотрел на Богорада и пошел пить воду из-под крана. Она у них ничего, можно пить даже некипяченую.

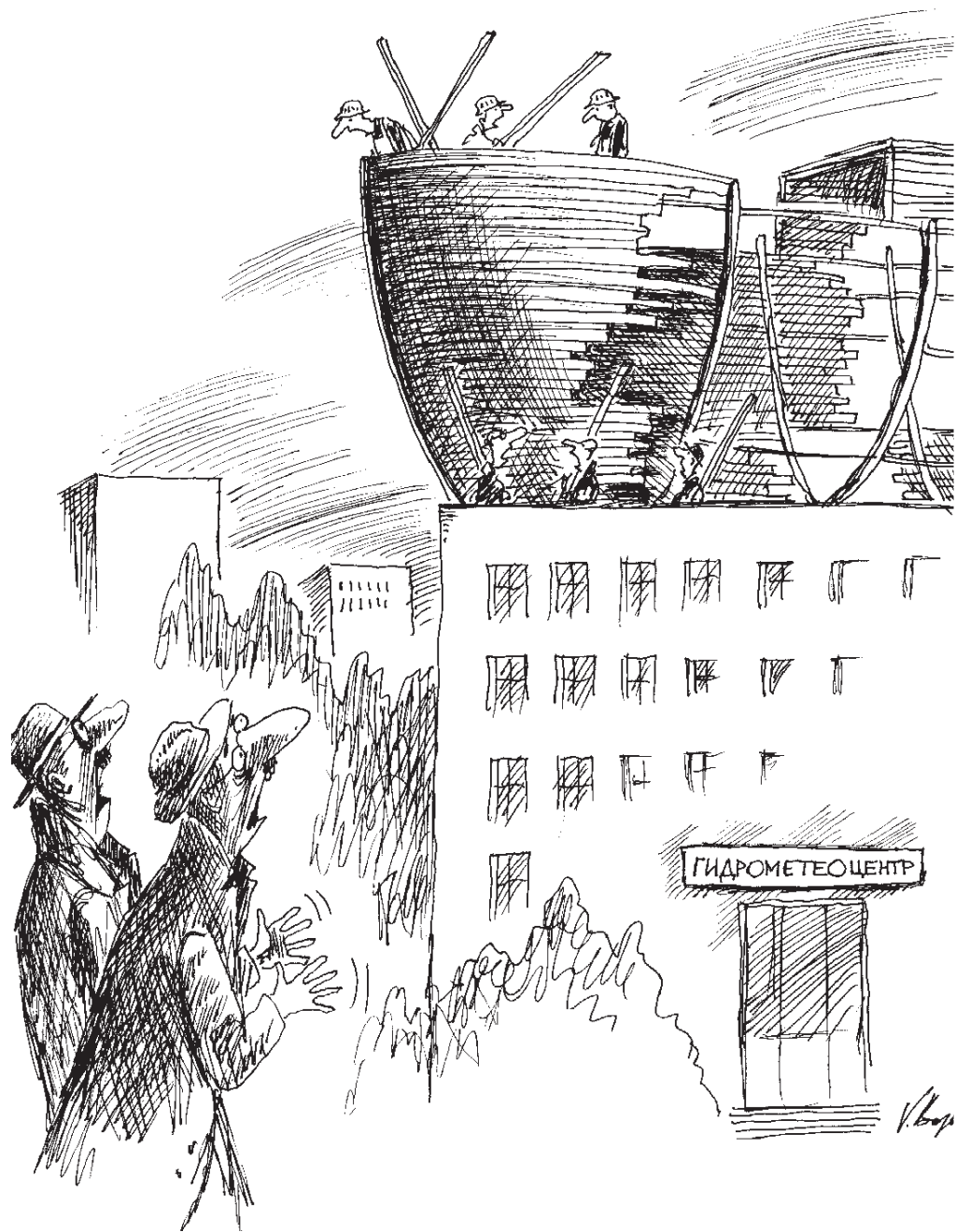
У Богорада привычка есть. Отойдет в сторону, подойдет через секунду и спросит: «Ну, что?» Опять отойдет, через секунду снова : «Ну, что?»

Во Фрайзинге, когда мы уже разместились по номерам, решили пойти прогуляться по ночному городу. Русские, хрен ли нам. Славка еще говорит, интересно, мол, сейчас час ночи, получим по морде за то, что болтаемся просто так или нет. Мне как-то после этой фразы вообще расхотелось куда-либо идти, но пошли – так пошли. Идем, болтаем себе по-немецки, народу почти никого, спят, а темень на улице – глаз выколи, Бавария все ж таки, юг, а на юге всегда очень темные ночи. Нет, конечно, фонари там всякие горят, иллюминация, светло... Это я к тому, что ночи на юге темные. Проходим около какого-то дома, лежат газеты, журналы глянцевого без всякого присмотра, Шилов их взял, конечно. Он аккуратный человек. Что лежит неаккуратно, он обязательно переложит, пусть даже себе, неважно, но чтоб порядок был везде и во всем. Идем дальше, воздух, экология, дорожки выложенные плиткой, деревья большие, темные. Дошли до платформы, где электричка ходит, там какая-то молодежь развлекается. А в туннеле, в подземном переходе, стенки тоже, как и у нас, только по-немецки разрисованы. Поднялись на платформу, толпа там месится между собой. Мы подошли ближе, посмотрели на расписание, а у них его нету. В стене здоровенный экран, внизу – клавиатура. Набрал свою станцию – и готово. Компьютер тебе выложит всю необходимую информацию. Пошли обратно. Дошли до дома, где лежали газеты. Славка их аккуратно положил обратно. Рассказали Богораду, он не поверил про расписание, мол, у нас бы обязательно клавиатуру разломали, а экран из стены выкорчевали. А мы даже и не спорили. Он, действительно, иногда бывает очень наблюдательный. На следующий день нас пригласил один док-

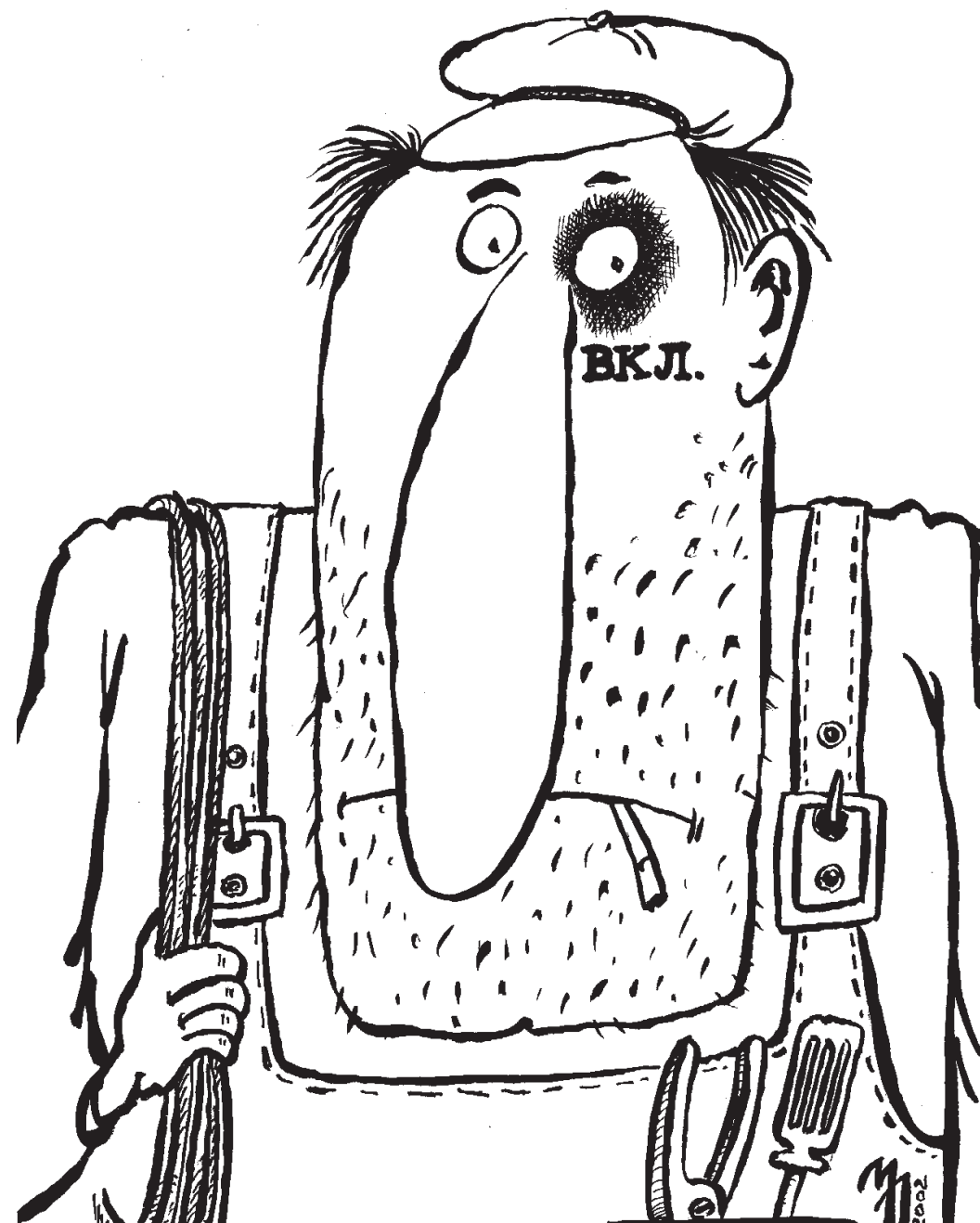
тор, которому нравились наши карикатуры к себе в гости. Это как раз его дом был, где газеты валялись. Жена его сидела в комнате и читала журнал, я название запомнил. Сейчас, правда, уже забыл, как он назывался...

Я попросил Славку Шилова забрать приз, которым меня наградили на одном из турецких конкурсов. Он как раз собирался в Турцию. Вот, думаю, чудно, с оказией и привезет награду. Шилов потом рассказывал, как он долго шел, смотрел на знаменитый Босфор, глазел по сторонам, читал различные вывески на заграничном языке, висевшие на местных забегаловках. Несколько раз попались вывески с очень смешным названием «АНМЕТ DURAK». Позабавлялся, идучи вдоль Босфорского пролива и вдруг видит вообще охрененную вывеску «AHMED MUDAK»! Да, сказал сам себе Шилов, не любят за что-то турки этого Ахмета...

Несколько лет «Водоканал» проводил конкурсы карикатуры, в которых обыгрывалась тема «Без воды – и ни туды, и ни сюды». Богорада все время приглашали в жюри. Самое смешное было в том, что мне и Шилову присуждали постоянно вторые и третьи места и, когда шло награждение победителей, все вокруг понимающе хмыкали. Ясно, мол... Но интереснее всего было то, что голос Богорада вовсе не был решающим! Он был просто членом жюри. «Водоканал» в конце концов этот конкурс закрыл. Наверное, обиженные настояли. А вот нам это решение было просто не по кайфу! Шутка ли, ежегодная премия в неплохом размере...

Как-то приехал из своего прекрасного Люксембурга наш друг, Кирилл Шевченко. «О-о!!! Ааа!!!!» Радость встречи! А мы с Богорадом как раз перед этим уже раскатали бутылку водки, говорили про карикатуру, я уже собрался уходить, домой надо добираться. А тут, Кирилл на пороге. «Все, – подумал я. – Теперь уже ни за что не слинять». Кирилл достает принесенную с собой бутылку. Наш человек, советский, с пустыми руками в гости не приходит. А на дворе перестройка уже стояла, криминально-развитая. И бутылка в руках у него такая же криминально-паленая – «Черная смерть». Была, была такая водка в наши славные годы... Долго еще беседовали три человека, но сломались окончательно, так и не допив половины. В общем, утром была такая картина. Мне нужно на работу, Богораду к дантисту, Кирилл собирался поехать домой, отоспаться. И поехать не на метро или трамвае, а на своей автомашине, «Волга» у него была, как сейчас помню, серая. И вот втроем, естественно, совершенно не протрезвевшие, поехали по своим делам. Кирилл привез меня на работу, Богорада отвез к зубнику, сам уехал (!!!) домой. Меня на работе попросили идти домой, Богорад открыл рот, стоматолог попросил его тотчас закрыть и прийти завтра. Кирилл... Уж не помню, что было с Кириллом, главное, что он доехал домой без аварии. Ай, да «Черная смерть!» Вот ведь гадость какая!

Идем с Шиловым по Берлину. На каждом углу – пивнушки, гаштеты, ресторанчики, все красиво. Захотелось пивка выпить, зашли в пивной зал. Приличный такой зальчик. Я пошел пиво заказывать, а Шилов сидит, ждет, журнальчики перелистывает. Приношу пиво, а он мне говорит, что мы зашли в пивзал для голубых. Я огляделся – точно. Сидят мужики по двое, пиво пьют, беседуют, за руки нежно держатся. «Во, вляпались, – думаю. – И на кой черт сюда зашли...» Правда, мы и не знали, что это за ресторан. Попили пива, вышли, все нормально. На нас никто и внимания-то не обратил. Ну, подумаешь, парочка зашла, мы ведь вдвоем были, как и они. Хорошо, что они не знали, что мы правильной ориентации, а то, может быть набили нам морды за то, что оскорбляем своим появлением их пивное заведение. Мы ведь для них – ненормальные. Во дела-то, а! Дожили, Гансы!

Шилов заехал на рынок, купил продуктов и идет к машине. А около выхода бабулька стоит и останавливает его: «Сынок...» И хватает его за руку. Славка отреагировал моментально, выгреб всю мелочь и ссыпал ей в ладонь. Бабка смотрит на мелочь, на него, потом говорит: «Да нет, сынок, помоги сумки до автобуса дотащить, очень уж тяжелые!» Но деньги в карман положила. История почти по Зоценко.

Шиловым мы как-то всегда попадаем в интересные истории. Во Фрайзинге зашли как-то в большой универсам. Ходили-ходили, на эскалаторе все вверх и вверх поднимались, ну и заплутали. Как спуститься на первый этаж – ни хрена не знаем. Сколько ни искали обратного спуска – нет его, и все! Но мы ведь – русские. Смотрим – запасный выход, как у нас. Спускаемся тихонечко вниз, не то что озираясь, а спокойно так. Ну не нашли люди эскалатор на спуск, решили ногами пройтись. Но все-таки так не положено. Тут двери разные ведут в склады, в офисы, тут производственные помещения. А тут два хрена болтаются, турысты. Слышим голоса наверху. И хоть мы не воры какие, жулики и проходимцы, а просто заблудившиеся, все равно как-то не по себе. Стали поспешать, идем чуть не бегом. А голоса тоже спускаются. Мы рванули вниз – бац! – а там дверь железная, огромная, метра четыре высотой и на щеколду здоровенную закрыта. Ну, все, думаем, приплыли. Сейчас загребут в полицию, попробуй объясни им, почему мы тут по этажам маршируем.... От страха, что будем тянуть срок в германской тюрьме, щеколду эту здоровенную изо всех сил рванули, с грохотом открыли ее – и марш бегом на улицу, по тротуарам в разные переулочки. Перевели дух, постояли и решили в гостиницу на всякий случай другим путем идти. Ох и представляю, как немцы в тот день ругались! Ведь самое интересное в том, что когда мы эту дверь открыли, велосипедов двести уронили и покалечили. Они как раз к этой двери были прислонены.

Представьте ситуацию. Апартаменты миллионера. Не нашего, немецкого. Мы приехали к нему в гости. В его частном музее мы делаем выставку. Он доволен тем, что к нему приехали русские художники, потому что в этом доме у него работали мастера, ставшие потом знаменитостями. И пока мы заняты монтажом выставки, не всегда удается выскочить в ближайшую «столовку». Миллионер говорит нам: «Нет проблем, пройдемте на верхний этаж, сейчас что-нибудь придумаем». На этом этаже он заводит нас в комнату, в которой масса золотых вещей, литье, поковка, скульптурки, большущие золотые раковины ручной работы, невероятно красивые изделия самых известных мастеров золотого дела. Приходит его помощница Катрин, ставит перед нами (честное слово!) золотые тарелки (тяжеленные, из чистейшего золота!!!), точно такие же тяжеленные золотые вилки и ножи, ставит перед каждым золотые бокалы! Мы нервничаем. На золоте есть не приходилось. Представляем себе, как нам несут фазанов и лебедей в нектарном соусе. Нервничаем. Почему-то хочется выкрикнуть: «Федя, дичь!!!» Нервное состояние нарастает. Входит Катрин, наливает в бокалы!!!... баварское пиво?! и накладывает в золотые тарелки!!! мюнхенские сосиски, беловатые такие!!! Такого потрясения в жизни я никогда не испытывал. Устроить такую хохму с золотом может только человек, чье чувство юмора так же естественно, как и его миллионы. Этот человек был доктор Ханс Хартль.

Давно это было, лет десять назад. Дома я был один, пил пиво, смотрел телик, потом пошел в туалет, заодно и покурить. Сажу, вдруг слышу сверху цокот, как копытца стучат. Ну, думаю, какая-то передача о животных по телевизору. Выглянул – нет. Как шел боевик, так и стреляют. Сажу, опять странный цокот наверху. Странно, думаю, так кот соседей ходить не может. Потом как заскакало вверху, я даже обалдел от ужаса. Словно нечистая какая скачет, и вдруг еще и заблеяло. Тоненько так – «Ме-еее-е». Все, подумал я, крыша поехала, пора с пивом завязывать к чертям собачьим, вон уже какие слуховые галлюцинации начались. И страшно стало, не по себе. Аж мурашки по телу. Ладно, думаю, поднимусь к соседям, узнаю, что у них такое скачет и блеет. Подошел к двери, а сам думаю, а вдруг они какой чертовней занимаются, демоны или колдуны. Превратят меня тоже в козла какого-нибудь! Страшно, но позвонил. Так и так, говорю, может почудилось. Да нет, говорит хозяйка, это дедушка из деревни приехал погостить, а маленького козленка одного не мог оставить, вот и взял с собой на неделю. Живет-то он один в деревне, не на кого оставить животное. Слава Богу, думаю, что так все обошлось. А ведь так и на Пряжку можно попасть из-за этих вот дедушек-козловодов.

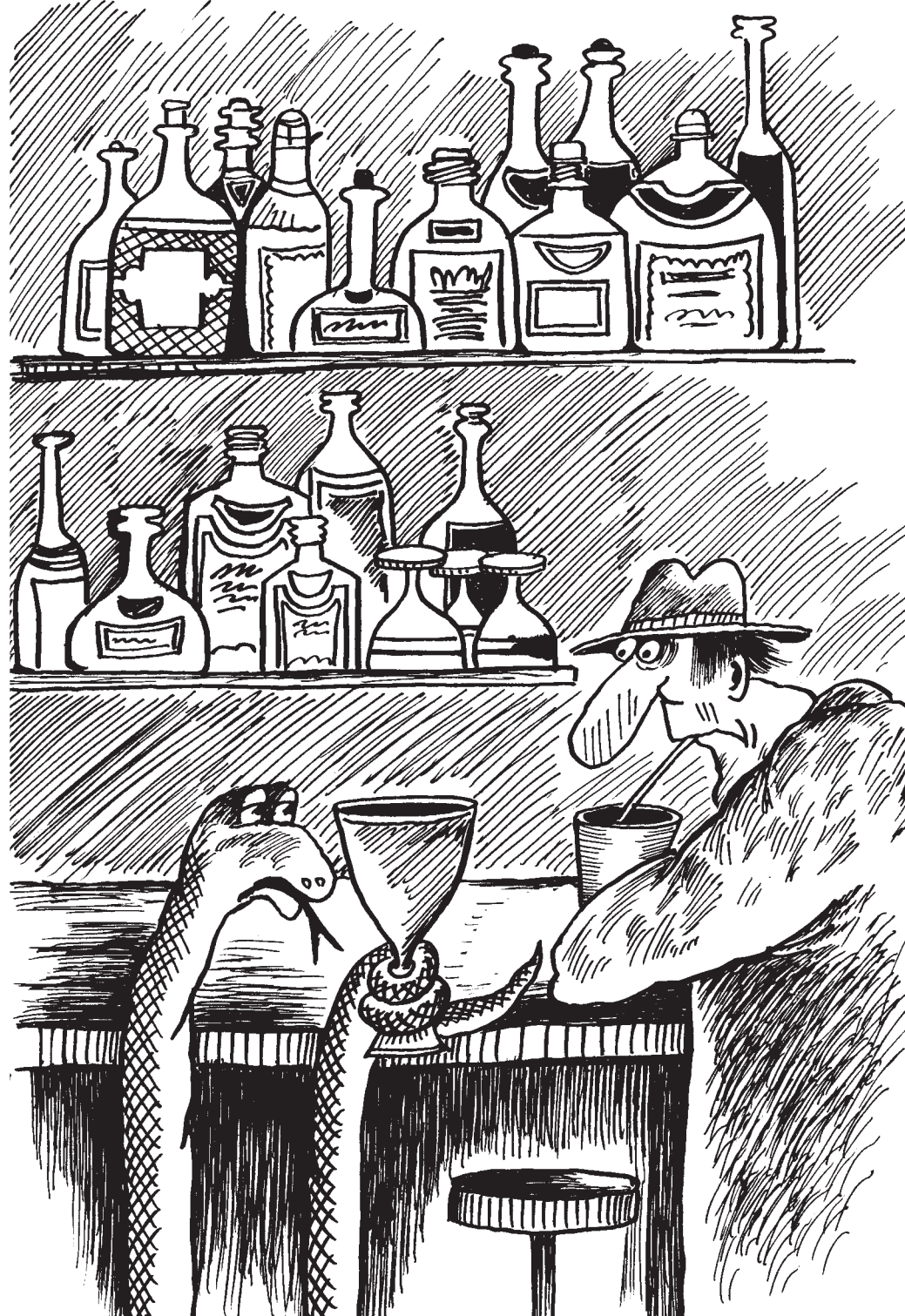
Пошли мы на экскурсию (было свободное время) в знаменитый Берлинский зоопарк. Ходили от вольера к вольеру, посмотрели львов, белых полярных волков, медведей, приматов различных. Пили пиво, болтали, и случайно совершенно наткнулись на парочку каких-то небольших черных свиней, вроде кабанчиков, только маленького роста. Какие-то вьетнамские поросята черного цвета бегали по круглому вольерчику. Свиньи и свиньи, кажется, чего тут интересного. Но внимание привлек небольшой самец. Он упорно бегал за самочкой, которая кокетничала с ним. Бегают он бегают за ней, и вдруг самочка останавливается, ложится, соглашаясь, якобы, на интим, и лишь только кабанчик забирался на нее, она вскакивала и убегала. Мы смотрим на его тщетные усилия, сочувствуем, а ситуация, как на испорченной пластинке, повторяется вновь и вновь. Становится смешно от этой дурацкой беготни. В конце концов, уже не только мы следим, что же дальше будет, вокруг толпа собралась. По-русски, по-немецки, по-английски стараются поддержать бедного кабанчика. Он, бедолага, как заведенный бегают за ней и только появляется подходящий момент, свинка вскакивает и вновь бежит. Эта проклятая свинья уже всех достала. Надо идти, осматривать дальше, а она просто издевается над посетителями своей девичьей неприступностью. Да и кабанчик, тоже придурок, нет бы как-нибудь поддаться ей, прижать в каком-нибудь углу, показать кто в доме хозяин. Нет, он тупо бегают за этой целомудренной свининой и никак не может остановиться в этой бессмысленной беготне. В конце концов, мы ушли возмущенные этими свиньями. Так издеваться над людьми! Безобразие в этом Берлинском зоопарке! Надо было в суд на них подать за нанесенную моральную травму.

Во Фрайзинге мы жили в гостинице «Рамада», это, как и «Хилтон», мировая сеть гостиниц. В каждом из наших номеров был минибар с алкоголем. Первый бар разбомбили у меня, потом – у Шилова, добрались и до богорадовского. Сидим, пьем, вдруг всем захотелось пиццы. Богорад позвонил в ресторан и заказал три пиццы. Но то ли он ошибся, то ли неправильно выговорил цифры номера, но пиццы нет и нет. Опять позвонил. Ждем. Не несут. Позвонил в третий раз, а время уже – два ночи. Приходит девица, Богорад с ней по-немецки что-то шпрехает, мол, давай, поскорее. Я добавляю, да-да, одна нога – здесь другая – там. Девица пошла, потом в дверях остановилась, как будто поняла по-русски и что-то сказала такое, типа, щас, разбежалась, медленно-медленно вышла. Пиццу мы так и не дождались. А на другой день один постоялец жаловался, что ему три раза среди ночи приносили пиццу, которую он не заказывал вообще и грозился пожаловаться управляющему.

В свое время, когда только появились компьютеры, все, как полоумные играли в компьютерные игры, тетрисы, колобки, «поймай яйцо в корзину», и прочую примитивную белиберду. А у нас в газете «Вести» кто-то принес и установил игрушкострелялку. По-моему, «Вольф» называлась или что-то в этом роде... Короче, до того я наигрался в эту стрелялку, что однажды, выходя из туалета, выключил свет и подумал: надо бы записаться и сохраниться, на всякий случай... А! Вот до какого маразма можно дойти с этой виртуальщиной!

Забавная история произошла над Калининградом. Мы летим из Мюнхена. Домой. «Люфтганза» в лице стюардессы приносит прохладительные и спиртные напитки. Мы с Богорадом сидим на «курительных» местах. Дымим, пьем, делимся впечатлениями от выставки. Шилов сидит впереди. Он не курит. Вновь проходит стюардесса, предлагает напитки. Мы, приятно расслабленные удачно прошедшей выставкой, алкоголем, дарим ей каталог выставки. Цветной, красивый, на немецком (подчеркну) языке. Она прочитывает первую страницу, смотрит на нас. – О! ФАНТАСТИШЕ! На ее борту люди, фотографии которых – в этой книге. – Битте зеен, данке шен, зееер гут, филен данке! – масса любезностей с обеих сторон. Подписываем каталог – и счастливая самолетная дама уходит показать каталог подружке. Потом выходит и подружка. Дарим каталог и ей. Да что там, жалко, что ли. Для хороших людей... Через пару минут они выходят вдвоем и приносят бутылку дорогого французского шампанского в салфетке и бокалы очень тонкого стекла. Это вам – подарок от компании и все такое. Мы тоже что-то приятное говорим в ответ, принимаем дар. Угощаем всех, кто сидит в курительном отсеке. Показываем Шилову бутылку и говорим, что, мол, пьем за его здоровье. А ему не выбраться, он сидит у окна, рядом – некурящие соседи, амбального типа, тревожить их без надобности нехорошо, в натуре! Так Шилову и не довелось попробовать знаменитого двойного Клико.

Клуб ленинградских карикатуристов во время перестройки, к сожалению, развалился, но привычка собираться вместе все-таки оставалась. И вот, однажды зимой Боря Хотин пригласил как всегда всех карикатуристов к себе на дачу, в Горелово. Все притащили кто что мог: вино, водку, закуску, хозяева горяченького сделали – лепота! Сидим, болтаем, вспоминаем всякую всячину, теплая такая, беседа. Боря говорит: «Давайте, на улицу все, сфотографируемся». А день – песня просто! Солнце сияет, флаги на ветру колышутся... Забыл сказать, что Боря Хотин всех собирает не просто так, а под событие! В тот раз, по-моему, был праздник, КПСС (Карикатуристическая партия святого Светозарова). У Бори от прежней жизни осталось много флагов бывших советских республик, и всех их он развесил. Не дача, а съезд народов! Люди останавливались, взирая на этот лес знамен, ностальгировали, плакали от счастья, некоторые думали, что вот оно, место, откуда начнется возрождение Советского Союза... Это ведь не Беловежская Пуща, а город двух революций... Жалко было людей, что не оправдали их надежд на возрождение, потому что, попив водки и вина, закусив и сфотографировавшись, карикатуристы разъехались по домам продолжать глумиться на страницах газет и журналов над экономическими и политическими несуразностями страны.

Дитер Ханич, наш немецкий друг, карикатурист из Мюнхена, рассказывал, как он работает в газете. Карикатуру он рисует дома, потом отправляет по факсу, а наутро смотрит в газете, как поставили картинку в номере. Деньги он получает на банковский счет и в редакции практически не бывает. Здорово, сказали мы, вот бы и нам так! И упросили его сводить нас на экскурсию в «Зюддойче цайтунг». – О, я, я, натюрлих! Нет проблем! Наутро мы отправились в газету. Идем, болтаем, – то, се, весело! Приходим к редакции – абзац! Дитер ходит вокруг здания и не может найти вход. Мы за ним как болвашки мотаемся и тихо обалдеваем, ни хрена себе, главный карикатурист! Может он свистит и не работает там вовсе!.. В конце концов, побродив вокруг минут десять, вход мы все-таки обнаружили. Майн Готт, как были обрадованы журналисты «Зюддойче цайтунг», когда увидели живого карикатуриста, который работает у них и делает картинки для их материалов! Нам, кстати, тоже была понятна их радость!

Вокруг метро «Гражданский проспект» арабы уже много лет торгуют шавермой. Но вот открылись конкурентные точки – киоски, где продаются русские блины. Кто-то из остроумных сограждан обклеил все близлежащие дома листовками с воззванием: «Граждане! Покупая шаверму, вы помогаете Бен Ладену!»

В Варшаве я как-то умудрился потеряться. Поехали мы в музей на рейсовом автобусе (что до удивления приятно, автобусы ходят идеально по расписанию, минута в минуту) и мне не повезло. Оказалось, что мы сели не на тот маршрут (директор музея Войцех Хмужиньский перепутал автобусы), и все быстренько выскочили, а так как я был на передней площадке, то этого десантирования не заметил. Смотрю, корешков нет, я еду в чужой стране незнамо куда. На следующей остановке выпрыгиваю в надежде, что сообразят, что я их буду ждать. Пять минут жду, десять, нет, курва, никого! Вот ведь, гады, думаю... Ладно, решил такси тормознуть. Машины прут как наскипидаренные, ни одна сволочь не останавливается – ни частники, ни такси. Оказалось потом, что на дороге они никого не подбирают, запрещено. В конце концов останавливается такси, молодой пацан за рулем: «Цо пан желае?» Да вот, мол, отстал от своих, нужно в музей карикатуры добраться. Но ведь и тут не повезло. Этот парнишка, оказывается, только что лицензию получил и первый раз выехал на маршрут. Полчаса я колесил по столице, пока наконец-таки нашли улицу Кожия, где располагался музей. А Богорад и Шилов, подлецы этакie, еще и глумятся, где ты, мол, бродишь, ждем тебя уже целый час. А мне около сорока злотых пришлось заплатить за это догнялово.

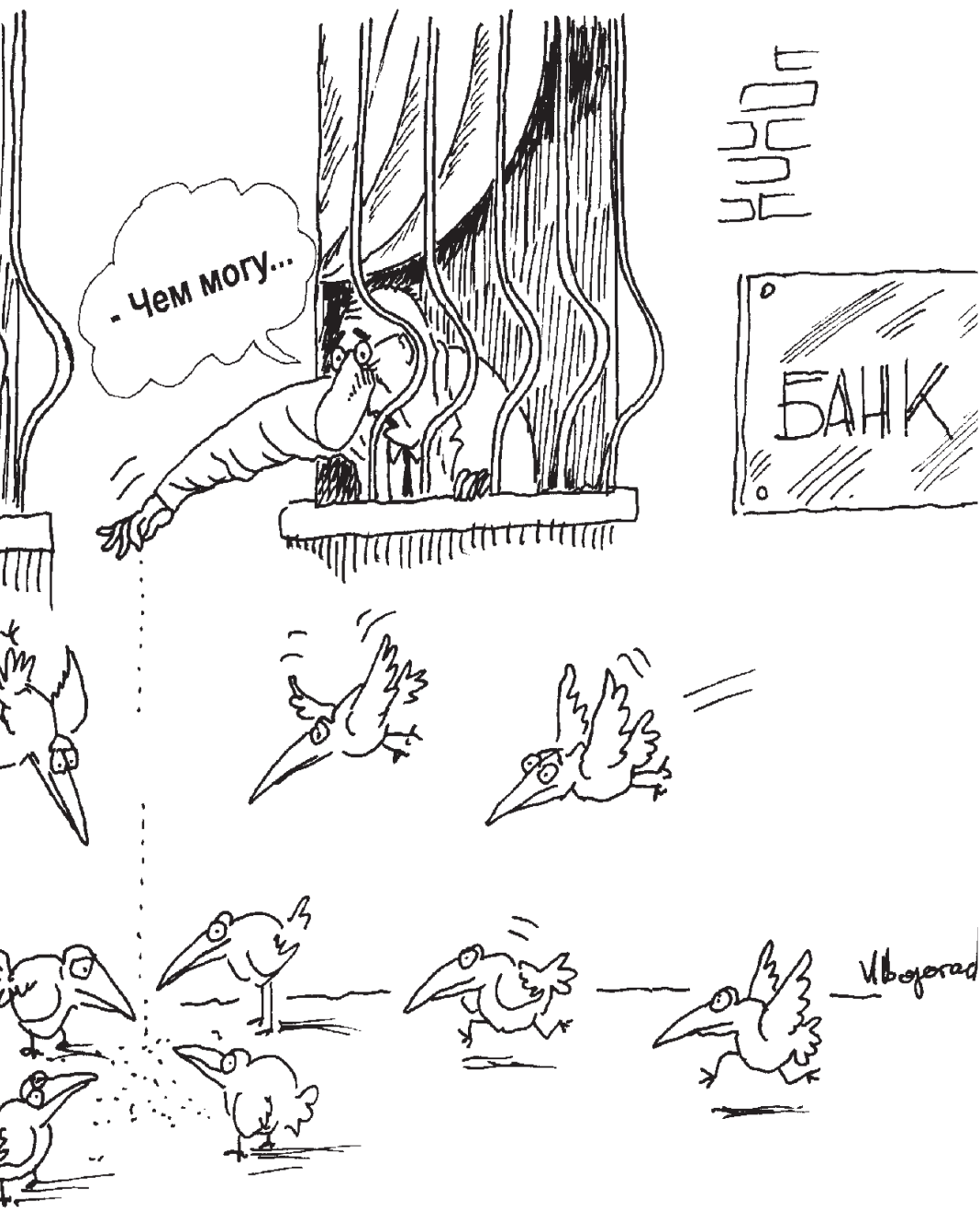

Как-то группа «Нюанс» в полном составе чекулдыкнула алкоголя от души. А сидели мы у Богорада, на Новочеркасской. Жены Гали и сына Димитрия не было, они в санатории отдыхали, ну, а мы в городе решили отдохнуть, как говорится, подальше от природы. А чекулдыкнули хорошо! Разговоры всякие разговаривали, что-то вспоминали, курили, наливали, закусывали, опять наливали, одним словом, спать разошлись далеко-далеко за полночь. Честно говоря, даже не помню, как и разошлись... Кто где заночевал, Славка, по-моему, в детской кроватке заснул. Он у нас самый спортивный, легкий. Мы бы с Богорадом все порушили. А он ноги высунул и заснул сном богатырским. Утром Шилкову куда-то надо было и он встал пораньше. Хотел выйти, а ключа в двери нет. Будил, будил Богорада – хрен вам в дышло, не идет на подъем. Славка уже посмотрел, как с балкона сигануть. Но! Этаж третий, высоко. Да и мало ли чего... Соседи заметят, тревогу поднимут, вор, мол. Он опять будить Богорада, только дело это пустое и бесполезное. Надо сказать, настойчивости Шилову хватило, и через какое-то время Богорада он-таки разбудил. Но куда ему надо было, уже опоздал. Веселые и опухшие (от сна, наверное,) мы опять взялись за дело, но уже осторожнее и осмотрительнее.

Была на питерском телеканале замечательная передача «Звездный розыгрыш», и вел эту передачу замечательный мастер розыгрыша Максим Бриус. Однажды мы с Шиловым поговорили с Бриусом и решили разыграть Богорада. Для этого выбрали ресторан на Вознесенском проспекте (б. проспект Дзержинского), который назывался «1913 год». Суть розыгрыша была в том, что мы все вместе приезжаем в ресторан, пьем, закусываем за счет, якобы, одного бизнесмена-книгоиздателя, который застрял в автомобильной пробке и вот-вот приедет. В итоге он должен был нам сказать, что не приедет, по серьезной причине, а расплачиваться за пиршество пришлось бы Богораду, так как у нас с Шиловым денег не было. Сидим, пьем, закусываем, заказываем дорогие блюда, наш визави постоянно звонит, сообщает, что вот-вот подъедет. Богорад сначала нервничает, потом расслабляется и неспешно дегустирует шампанское, коньяк, закусывает деликатесами. Скрытая съемка идет, я толкаю Шилова под столом ногой, чтобы активнее подыгрывал. Но вот наш «бизнесмен» отказывается приезжать, мы с Шиловым в «ужасе», у нас ведь нет денег, а Богорад спокоен. Не волнуйтесь, мол, расплатимся. Один из членов съемочной группы приносит счет. Богорад ... расплачивается – и теперь уже мы в шоке, ведь по сценарию все должно быть с точностью до наоборот. Принесли сдачу, несколько медных копеек. Тут наш «господин миллионер» объявляет, что сдача маленькая. Розыгрыш решают прекратить, действие пошло не по тому сценарию. Богорад с удивлением узнает, что все это время шла скрытая съемка. Но вся гадость заключалась в том, что накануне он получил большие деньги за какую-то работу и деньги жене не успел отдать, и по-

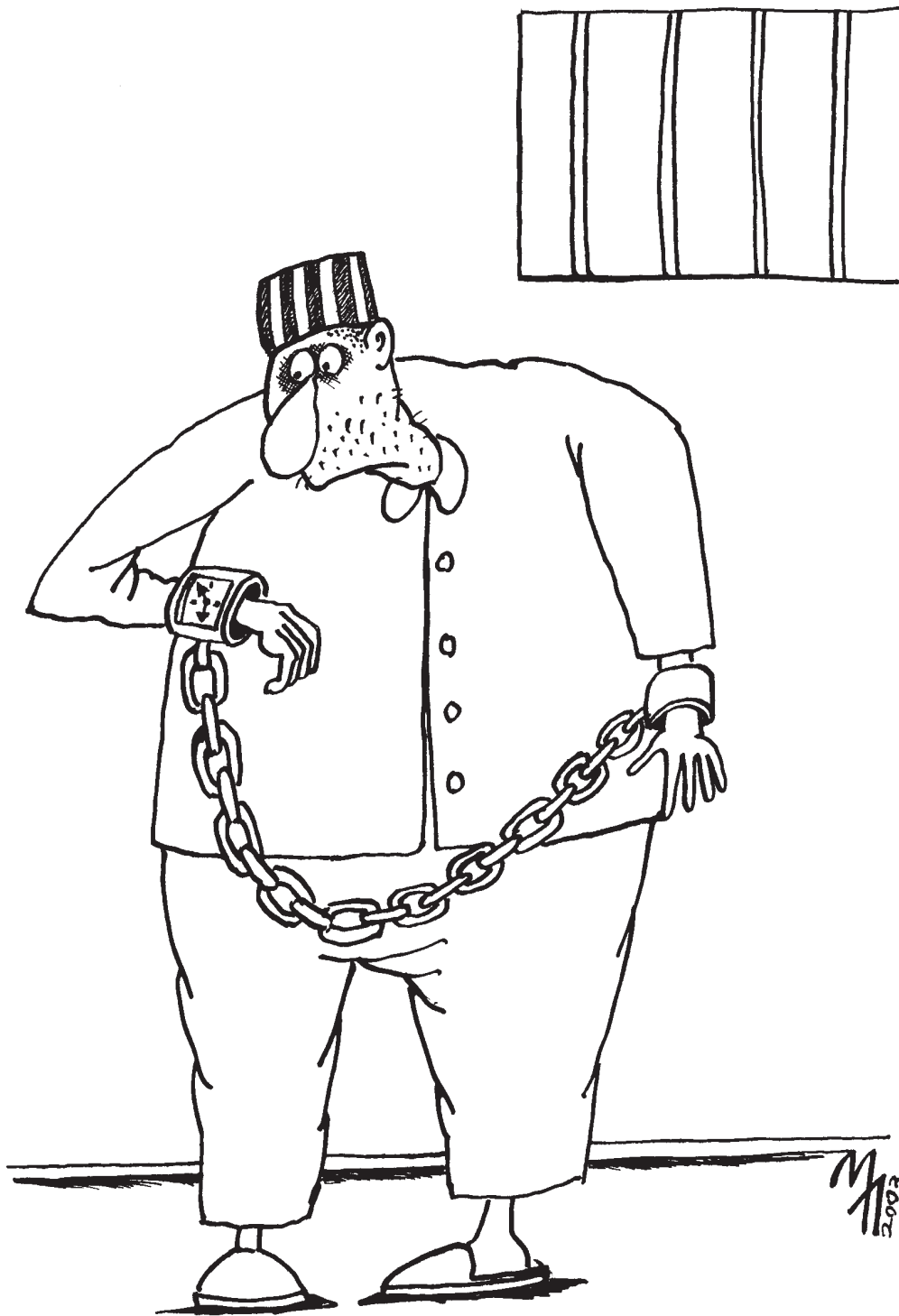
тому наш «фокус» не удался. А ведь я говорил Бриусу, что сумму надо было сделать просто астрономическую, чтобы уж ни за что не расплатиться было. А такое интересное начало было...

В сентябре, по-моему, 1994 или 95 года были мы на всебаварском агромеднейшем! празднике пива «Октоберфест», и доктор Ханс Хартль с друзьями решил нам устроить праздник, купил билеты на престижные места трибуны, около которой проходит их «демонстрация». Демонстрация – это я так называл. Просто идет нескончаемая колонна людей, занимающихся тем или иным ремеслом. Мы, придурки, естественно, расселись на дорогих местах, крутизна прямо из наших рож прет, вальяжные, с чувством достоинства... Блин, знали бы, лучше в толпе постояли. Потому что карнавальная демонстрация Октоберфеста – это какая-то бесконечная река, которая не имеет ни истока, ни окончания. Откуда она выпадала и куда впадала – не знал никто. И вот тут-то мы и приуныли. Стой мы в толпе – взяли бы и отвалили нахрен. А тут не встанешь и не уйдешь. Вроде как плюем на немецкое радушие и заботу. Они ведь старались. Я думал чокнусь пока все колонны пройдут. И огромное «спасибо» Богораду, который все время заглядывал куда-то за угол и радостно кричал, что нам повезло, это не кончится никогда. Боюсь я с тех пор всяких массовых гуляний. Даже у нас, в Питере.

Только разместились в гостинице, сразу же заглянули в свои минибары-холодильники. Екарный бабай, каких только алкоголей там не было! Естественно, сразу же начали дегустировать. Сначала мой, потом Славкин холодильник приговорили, добрались до минибара Богорада! И его тоже до кучи разбомбили. А на следующий день посмотрели в магазине, что такая же бутылка ноль пять стоит столько же, сколько стограммовая бутылочка в минибаре, зачесали репы. Алкоголь-то в номере за наш счет! Сразу и поуспокоились. Ведь, когда посчитали, оказалось, что за один присест каждый примерно на двести марок выпил. А эти хитрые капиталисты на следующий день опять холодильник под завязку набили, пейте, мол, пацаны! Но нам почему-то разонравилось пить в номере из минибаров. На улице лучше, свежий воздух, да и здоровее как-то!..

Как-то на дне рождения Богорада валяли мы ваньку, дурачились, скакали (взрослые люди!..), а тут вдруг загремел магнитофон, и мы с Богорадом стали, дурачась, вальсировать. Шилов с дивана посмотрел на наши «хореографические» пируэты и с какой-то грустью сказал: «Вот так и распадаются творческие группы, и «Нюанс», видимо, не станет исключением!»

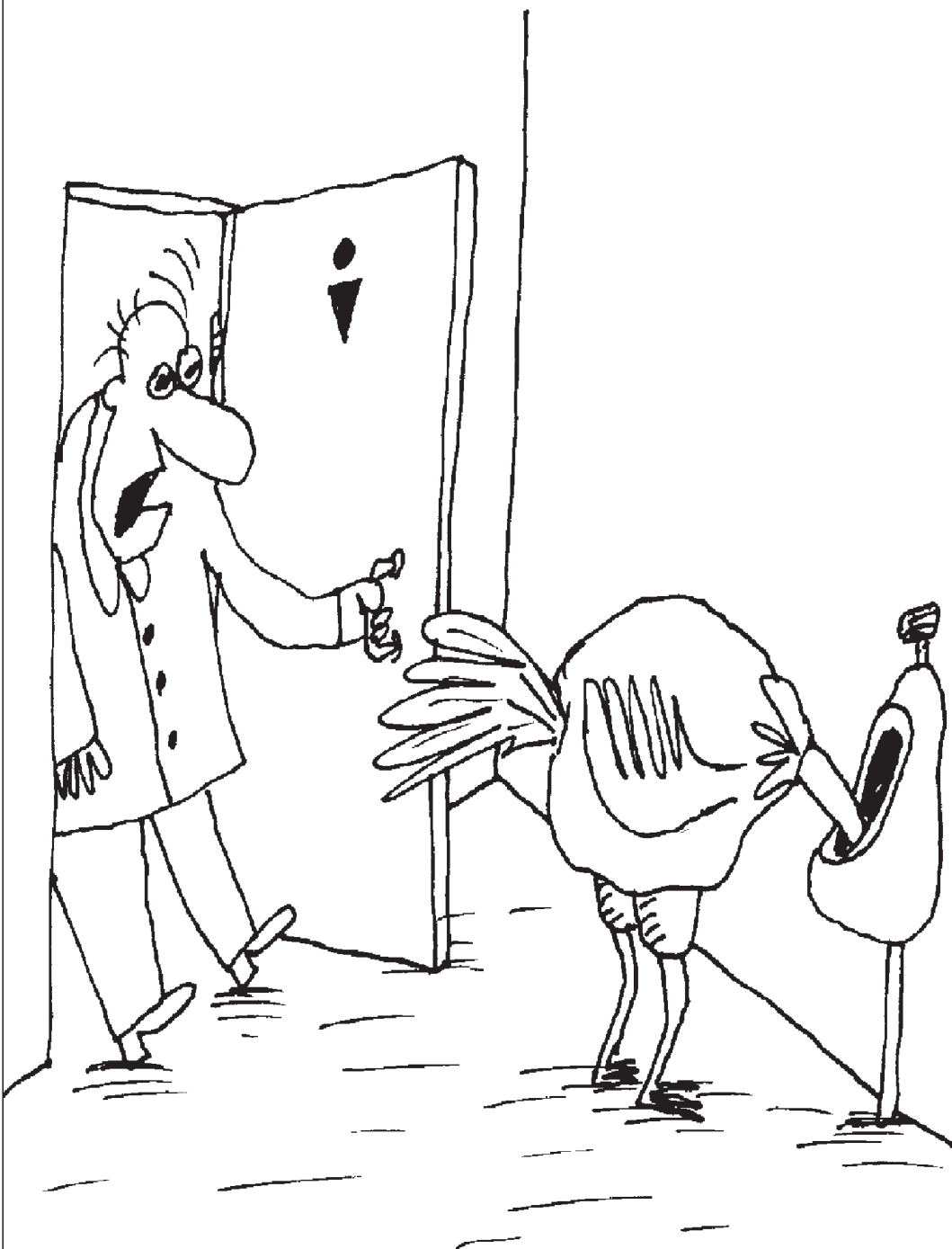

Клуб гениев имени Игоря Северянина пригласил нас на почетное премирование звания «Гений». Богорад стал – гением сарказма, Шилов – гений иронии, я – гений улыбки. В зале – куча мала гениев. Лев Щеглов – гений гениталий, Кивинов – гений пера, Блинов – гений тоже чего-то, не запомнил... Был там даже всепогодный гений: он всю жизнь, и зимой и летом, ходил в рубашке и шортах. И гений чистой красоты был – директор одной из бань. Был гений высшей пробы – владелец одного из банков. Много, оказывается, гениев в Северной столице! На сцене – огромный цыганский хор, каждого номинанта выводят на подиум, преподносят большую рюмку водки (такая традиция) и вручают звание. Кроме звания, вручают банан с выгравированной на нем надписью – гений такой-то. Получил я звание, медаль и банан, до того расчувствовался, да плюс водка в балде, что сел на банан, который получил в подтверждение звания. Задница – в банановом пюре. Мокро как-то и гнусно. Желательно бы выйти, а лучше вообще уйти. А тут Шилов выходит на сцену, до того расхрабрился, что тоже хлопнул эту здоровенную рюмку водки (гаишники, пропустите это место), а потом сел за руль и уехал. Орлы – все подряд в группе «Нюанс»! Только с Богорадом в тот раз ничего не случилось, отчего нам со Славкой было несколько дискомфортно.

Удиотская, на первый взгляд, и совершенно не смешная ситуация. Вот представьте себе. Пили мы вино, еще до Олимпиады это было, и вино называлось, как сейчас помню, «Вазисубани» и «Эрети». Сухие, легкие вина. Но так как бутылок было много, то и действие свое роковое вино сыграло. Для двоих явно был перебор, вот и решили мы, что необходимо позвать знакомого. Пили мы недалеко от Витебского вокзала, а знакомый работал в ТЮЗе, осветителем, что тоже рядом. Ну и ясно, пошли вызывать его на помощь. Через центральный вход нас, естественно, не пустили, послали подальше бабки с контроля. Знакомый говорит я, мол, знаю другой вход. Перелезли мы через высоченную металлическую решетку и пошли черным входом в театр. Дело было осенью. На улице холодно, а внутри – тепло и ярко. Товарища, с которым мы решетку перелезли, я в этих лабиринтах где-то потерял. Иду по коридорам каким-то, захожу в комнаты, спрашиваю Серегу-осветителя. Удивительно, но на меня внимания никто особенно не обращает, ходит себе и ходит человек. Ну, знакомого ищет, что тут такого. Вообще, бродил я, бродил и в итоге вышел на сцену, где в это время шел спектакль. Актеры просто охренели!!! Идет действие, страсти накалены, трагедия и вдруг- бац! на сцену выходит мужик в пальто! По сценарию такого быть не должно. Но человек НЕ ПО СЦЕНАРИЮ! стоит в пальто на сцене! Реальный. И что с ним делать? Мне машут, уйди, мол, на хер, мешаешь. Я это расцениваю как приглашение подойти поближе. Иду на взмах. Зрители в зале напряжены. Они ведь не знают, что я не по пьесе тут ошиваюсь. Мне что-то кричат, но я не разбираю, что и иду вперед через все зеркало сцены. Меня гонят, а я иду вперед. В зале нервные смешки. Камедь пошла, хохма. Тут уже вся

труппа машет – вали, вали отсюда. В зале – смех. Я остановился, вглядываюсь в зал, но там темнота, ни хрена не видно. А зрители уже просто режут от смеха. Тут меня под микитки двое подхватили и потащили со сцены. В зале просто аплодисменты. Брависсимо, мужик, молоток! Вытолкали меня из театра, даже ментов не вызвали, видимо, очень смешно я «сыграл». А спустя несколько лет, слышал я, что какой-то режиссер применил интересное решение спектакля. По сценарию, выходил человек, якобы, посторонний, на сцену, кого-то разыскивал, а потом уходил. Нестандартный ход! Режиссерская находка! Но так как «сыграл» я, вряд ли кто смог сыграть. Дилетанты-компиляторы.

Выставка на Пушкинской, 10. Название выставки умильное – «Живность в городе». Даем интервью телеканалу «Мир». Говорим о животных, кто и как о них заботится, у кого какие животные, вспоминаем интересные случаи из жизни домашних зверушек. А Шилова на даче просто допекли огромные рыжие муравьи. Они просто затерроризировали всю его семью. Шилов боролся с ними не на жизнь, а на смерть. И тут ему тележурналист задает вопрос, любит ли он животных. Шилов рассказывает, как он чертовски обожает всех животных, и вдруг Богорад ни с того ни с сего вклинивается в их разговор: «Славка, а ты всех муравьев на даче сжег или нет?» Шилов даже забыл о чем говорил до этого, и почему-то начал рассказывать о нашей поездке в Польшу, о проблемах и роли карикатуры в современном искусстве, о новой выставке, которую готовит группа «Нюанс»... Я понимаю, конечно, любопытство Богорада, но моментик он выбрал тот еще... Хорошо, что эта фраза не пошла в эфир.

В кафе «Сундук», что на Фурштаттской, празднуем день рождения Славки Шилова. Подарок ему заготовили нужный, красивую фирменную кожаную барсетку, такая мини-сумочка, очень удобная во всех случаях. Но у нас ведь в группе просто так не дарят, без прикола не обойтись. Одним словом, Галя Богорад сделала имитацию торта, хотя, это, в общем-то и был торт. Выглядел он так: картонная коробка, внутри которой находилась эта самая барсетка и еще гаечный ключ, который мы с Богорадом нашли на дороге. Затем – тонкий полиэтилен, чтобы не протек крем, а сверху Галя сделала настоящее художественное чудо, с цветами, надписью и другими украшениями. Фиг скажешь, что это – не торт. А подарили Славке в тот день какую-то безделицу, Галя нашла вафельницу, времен Советского Союза. Этикетка гласила, что стоит она восемь рублей семьдесят пять копеек. Шилову позарез нужна была именно такая вафельница. Подарили, значит, пьем, тосты поднимаем, но про главный подарок молчим. Шилов тоже ничего не говорит. А чего скажешь. Где, мол, подарок? Так вот он, у тебя в руках. Полтора часа ни словом не обмолвились о настоящем подарке, пока не подошли к десерту. Вот иезуитская выдержка у членов группы «Нюанс» и их жен! Потом Славка взял нож и начал резать торт. Видел бы кто наши довольные лица! Картина – просто замечательная! Шилов вонзает нож в торт, а он не идет. Он – сильнее, фиг вам, внутри ведь – картон! Славка так и эдак набрасывается на «кондитерское» изделие, а оно не режется. Долго он мучался, разрезая торт, одновременно безуспешно пытаясь загасить негаснущие свечи, которые Галя предварительно воткнула в торт. Повеселились, садисты!

В апреле 2002 года был юбилей юмористического фестиваля «Золотой Остап» – 10 лет! И у группы «Нюанс» тоже был юбилей – 5 лет! Виктор Билевич позвонил нам и предложил совместить два юбилея – наш и их. Ну что ж, дело замечательное. «Остап» основной идет в БКЗ, а мы на Пушкинской, 10 готовим выставку карикатуры в рамках «Золотого Остапа». Все бы о'кей, но у нас бюджет рассчитан на выставку, а на гостей «Золотого Остапа» его уже не хватит. Так и так, говорим Билевичу, мы закуской обеспечим, а ты уж проспонсируй алкоголь. Да не проблема, говорит Билевич. А дальше картина была такая. После концерта в БКЗ, который дали лауреаты «Золотого Остапа», мы идем потихоньку за основной группой, чтобы переговорить о завтрашнем банкете и об алкоголе для выставки. Билевич, видя нас, вдруг почему-то увеличивает шаг. Мы – за ним. Он – быстрее. Со стороны это выглядит так, словно какие-то мафиози преследуют «заказанного» человека. Билевич вдруг срывается на бег и, словно на стометровке отрывается от нас на приличную дистанцию. Мы не понимаем в чем дело и пришпориваем за ним. Погоня со стороны, наверное, выглядит интересно. Но мы совершенно не понимаем, в чем дело, и выглядим полными идиотами. Художники-карикатуристы, преследующие президента «Золотого Остапа», – картина, достойная кисти Ильфа и Петрова. К тому же Билевич бежал, как Остап Бендер от разъяренных шахматистов, легко, словно молодой бог. Догнать его нам не удалось. Он вскочил в отъезжающий автобус, дверь захлопнулась и с приличной скоростью машина укатила в апрельскую светлую ночь. На следующий день президент «Остапа» ни словом не обмолвился о странном, на наш взгляд, спринтерском рывке, а

лишь тяжело вздыхал, видимо, от бессонной банкетной ночи на теплоходе. Но «Нюанс» не особенно горевал. Вернисаж прошел «на ура». Телевидение, радио, пресса, никто не обошел вниманием выставку группы «Нюанс» с символическим названием – «О, пять!» Кстати, нам довелось прочитать потом одну рецензию в «Известиях», где было написано: «Самое лучшее, что было на «Золотом Остапе», – это выставка группы «Нюанс» на Пушкинской, 10». Приятно, черт возьми!

Как-то Богорад попросил меня помочь ему выбросить старый диван, он купил новый. Ну, я как раз ехал в газету «Профессия», ладно, думаю, рядом, помогу. Раскурочили старый диван, вынесли его на помойку, сидим, пиво пьем. Заезжает Шилов, тоже, оказывается, рядом был. Как дела, какие идеи? Ну, мы решили его разыграть, сделали соответствующие физиономии, грусть положили на лица. Да вот, говорим, с горя пьем. Галя попросила выкинуть старый диван на помойку, а мы со вчерашнего дня квасим, и с утра выкинули на помойку диван, только не старый, а новый. Когда сообразили, что натворили, побежали обратно, да поздно уже, диван – тью-тью! Быстро ему ноги приделали!. Да ладно вам, говорит Славка, разыгрываете! Ну, подожди, говорит Богорад, посиди с нами за компанию, сейчас Галя придет, свидетелем будешь, что мы нечаянно новый диван выкинули, а не по пьяни. Да нет, говорит Шилов, я заехал буквально на пару минут, опаздываю... И укатил. А потом он эту историю в Интернет, жук, закинул, там мы с Богорадом такие два пьяни, что пробы ставить негде.

Наш друг, литературный критик Миша Кузьмин, любит ходить на выставки группы «Нюанс». Придет, ходит вокруг тихо, а любит он приходиться первым, когда еще монтаж идет, никого не отвлекает и так же тихонько и незаметно уходит. А потом говорит о своих впечатлениях, и ведь, что противно, иногда нелцеприятные замечания делает. На выставке в Смольном соборе не понравилось, что много черно-белых раскрашенных работ было, а через некоторое время, на Невском, 20, наоборот, заметил, что одни лишь цветные работы были в экспозиции, а это, мол, не карикатура, а некая мода времени, которой мы пытаемся для чего-то следовать. И все сложнее стало выставляться, чтобы не попасть под критическое перо Михаила. И на следующий раз, на Пушкинской, где мы выставлялись в музее нонконформистского искусства, мы нашли компромиссный вариант и выставили половину работ цветных, а вторую половину – черно-белых. Тут Мише и кранты наступили, заперли мы его в ловушку. И как было приятно в тот раз слушать высказывания Кузьмина о нашей выставке практически без замечаний! Хотя, честное слово, к его замечаниям, даже к критическим, мы всегда прислушиваемся. Кузьмин ведь необъективных высказываний не делает, он человек беспристрастный.

После выставки в Смольном соборе в книге отзывов один мальчик после просмотра работы «Дюймовочки» (обнаженной), за которой бежит огромная толпа Буратин с ключиками, написал: «Знаете, а ведь у меня тоже есть ключик. Честное слово». Ну что ты будешь делать...

В ыставка на Пушкинской, 10. Несем работы. Лестница узкая, ступеньки неудобные, рамы тяжелые. Тащим, кряхтим, сил больше нет, хочется остановиться. Богорад впереди пыхтит, едва не матерится. Шилов сзади спрашивает: «Что, Витя, тяжело?!» Богорад – в ответ: «Да нет, мол, ничего». «Тогда запевай!»

Д олгое время, группа «Нюанс» имела другое официальное написание, а именно – «SHADE», что в переводе означало то же самое – нюанс. Ну, шейд и шейд, мы особо не придавали этому значения. Пока однажды чуть не попали с ним в глупейшее положение. Были мы как-то на радио, на записи в передаче «Шведская спичка», и Ваня Шведов (актер, нынче живет в Чехии) несколько раз переспросил: «Как, как называется ваша группа?» Мы ему – шейд.

– Чего, какой шед, может шид?

Черт его знает, может мы произносим неправильно. «Ну, да, – говорим, – шид». «Ну вы даете, – говорит Шведов, – шид в переводе означает дерьмо».

Оба-на! А ведь как красиво звучало! А какие красивые английские буквы! Слава Богу, что в английском написании «NUANCE» и «НЮАНС» по-русски имеют одинаковый смысл. А то вляпались бы где-нибудь с этим шейдом по серьезному, хрен отбояришься потом! Дерьмо, это ж надо же, какой дурацкий у англичан язык!

Просто так группа «Нюанс» выставки не проводит, обязательно должен быть какой-нибудь ход, концепция, идея. Долго придумывали мы концепцию выставки в Смольном соборе, ни черта в голову не приходило. Вообще-то, лучше всего у Шилова это получается, хорошие идеи посещают его голову. Но в этот раз уж не помню, кто и придумал: а если под эту выставку положить идею юбилея карикатуры? Ну и махнули – на плакате черным по белому звучало: 3000 лет со дня появления первой карикатуры.

Мы с Шиловым дипломы по карикатуре защитили, нас на кривой козе не объедешь, такую базу подвели, что народ поверил, действительно, три тысячи лет назад появилась первая карикатура. В Египте. В качестве иллюстрации представили рисунок из древнеегипетского свитка, где фараон Рамзес играет со львом. А это вам не кот начихал, не крендель по рупь двадцать... Выставка прошла с большим фурором. Даже директор, Виктор Иванович Грибанов, отметил, что, мол, хотя это и выставка карикатуры, но Смольного собора она не унизила и оказалась достойна его стен. Жаль, больше выставок мы там не проводили, а ведь сколько еще было идей... И каких!

Мы приехали в гостиницу «Рамада». Вселяемся. С чемоданами, сумками, поклажей подходим к лифту. Открывается дверь. Лифт – просто пещера Али-Бабы. Роскошная суперквартира. Повсюду зеркала, позолота, пол – и то мраморный. Пальм только не было. Нажали третий этаж, лифт что-то мелодично промурлыкал и покатил наверх. Подъехали к этажу, а дверь не открывается. Ну вот, подумали мы хором, все как у нас. Сломался на глазах. Лучше бы пешком пошли. Нервно хихикаем. Сзади какой-то шум. Богорад оглядывается назад, а лифт-то, оказывается, открывается и в ту, и в другую сторону. Блин! Вот ведь чукчи. А так бы до утра просто-яли, если бы у Богорада не было такое прекрасное зрение!

В Варшаве, рядом с музеем карикатуры, где проходила наша выставка, на проезжей части Шилов наклеил на брусчатку кучу денежной мелочи (русские монетки, польские, еще какие-то попались) суперклеем и мы пошли пить знаменитое пиво «Живец». А дальше вот что было. Какой-то крутой чувак на «Харлее» мчался по этой улице и вдруг резко затормозил. Слез с мотоцикла и подошел к месту, где были наклеены монетки. Нагнулся, посмотрел, потом подковырнул пальцем – денежки в руки не даются. А парень в крутом прикиде, весь в коже, – одним словом, польский рокер. Ковыряет он монетки, матерится на польском, результат – никакой! Он ботинком кованым, отверткой, зубилом – ни хрена! Взревел хлопок от злости, вскочил на свой «Харлей» и умчался! И даже не в ту сторону, куда ехал!!! Во, приколы!!!

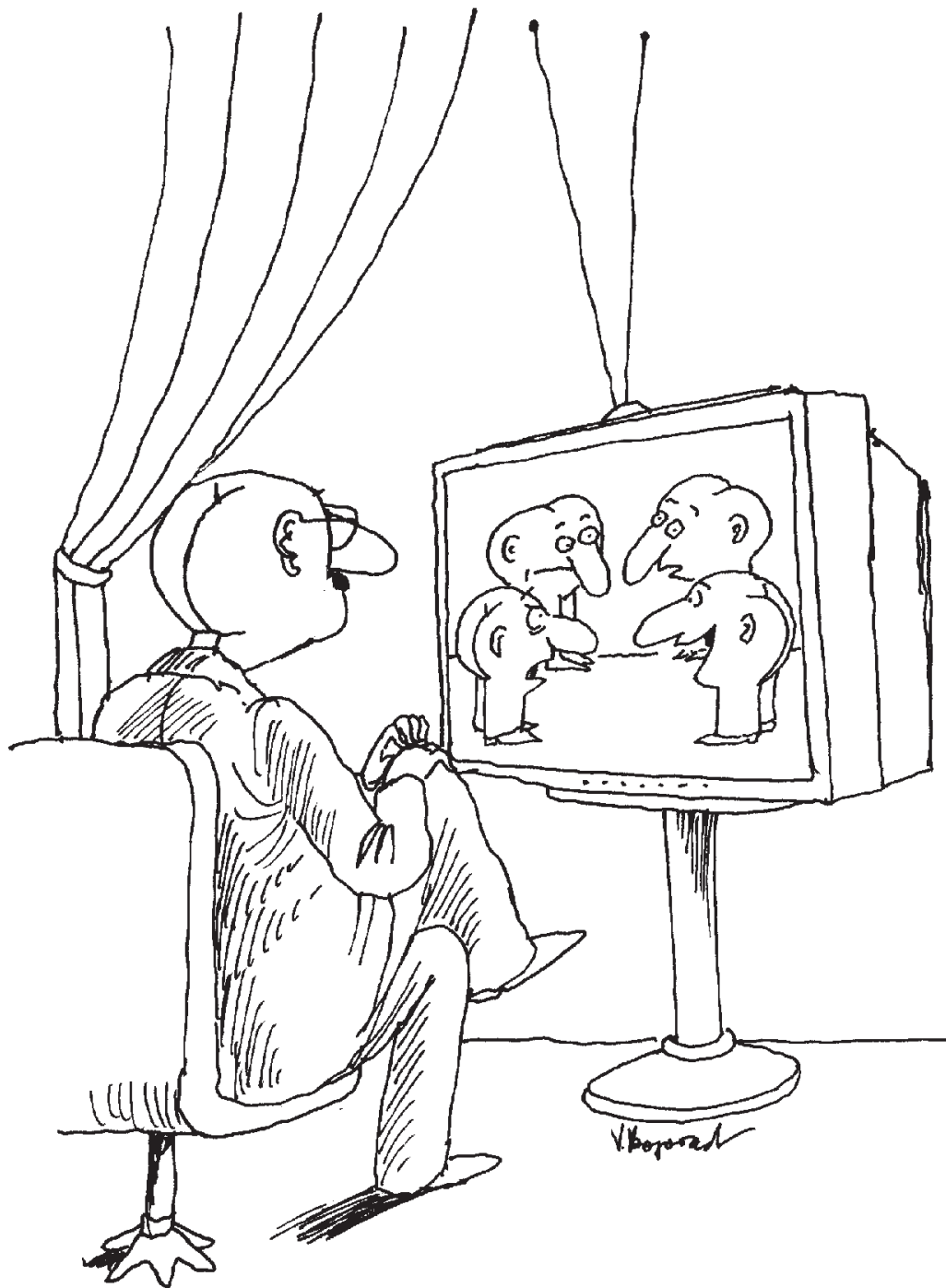
Болтались мы как-то по восточному Берлину, шли сначала по Унтерденлинден. То в пивную зайдём, то в магазин, то какую-нибудь выставку посмотрим, памятники старины разглядываем и потихоньку так забрели на станцию Хайнерсдорф, там поезда, как у нас в Купчино, примерно, и по верху электрички идут и подземка, типа метropоезд. А восточный Берлин – это вам не западный, и хотя там и идет сейчас сумасшедшая стройка, но на окраинах, как и у нас, в бывшем сэ-сэ-сэ-ре, такое же убожество. Правда, мы давно там были, сейчас, может быть, и не узнали бы тех мест. Дома старые, грязные, в какой-то копоти, асфальт в колдобинах, мутные стекла окон. Но нас это не смущает совершенно, сами в таких экстерьерах живем. Бредем, и надыбали привокзальную пивнушку. Конечно, их привокзальная и наша – это две большие разницы, но не суть. Около нее мужики околачиваются, местная гопота, пьянь. Ну, проходим мимо, а один руку протягивает и, типа, просит на пиво. Мы ему по-английски – НОУ, МУЖИК, НЕ ПОДАЕМ! Блин, как он разорался на нас, визжит, хрен чего разберешь, единственное, что поняли, он нас фашистами обозвал. Во, козел, это ж надо, русских немец обозвал фашистами! Ну, все перепуталось в этом мире! Аллес капут!

Ох, какая замечательная страна Польша! Какая красивая столица Польши Варшава! Какой прекрасный директор музея карикатуры, наш друг, Войцех Хмужиньский! Он так о нас заботился за все время нашего проживания в Варшаве, что мы ни минуты не чувствовали себя оставленными без внимания и присмотра. Даже за сто километров от Варшавы, когда мы поехали в Краков, и то умудрялся нами руководить на расстоянии. Такое было ощущение, что он, как та Машенька, которую нес медведь в корзине с пирожками, сверху все, ну абсолютно все видел.

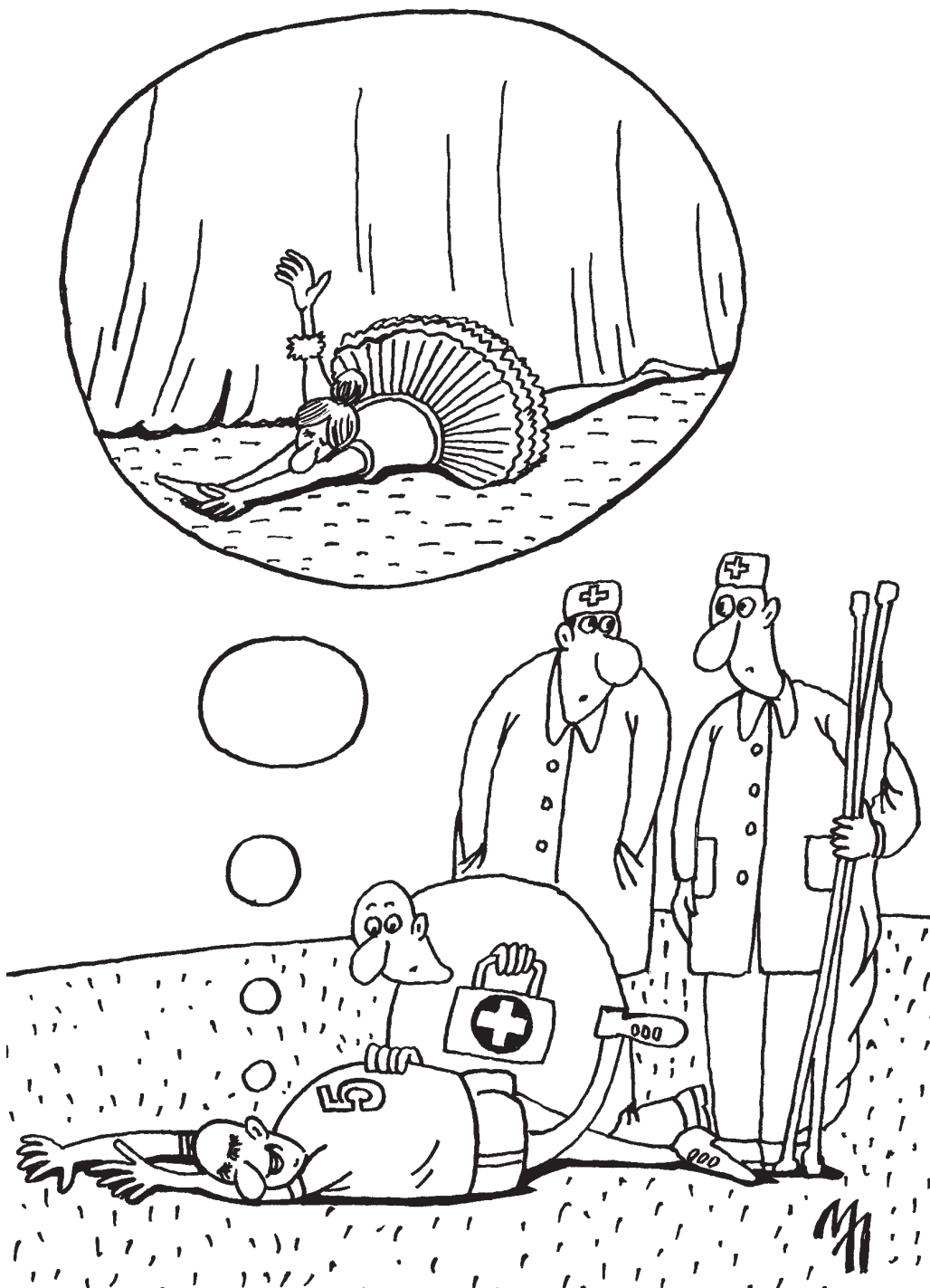
С нашим вторым другом и гидом Яцеком Франковским мы собираемся в Краков. Войцех дает указания, куда мы непременно должны сходить, что осмотреть, на что обратить особенное внимание. После этого инструктажа нам уже пришлось нестись на электричку рысью, иначе бы точно опоздали. Приехали в Краков, ходим, глазеем по сторонам, осматриваем знаменитый Вавель, вдруг, бац! – звонок на мобильный Яцеку. А вы, курва, туда-то сходили? Нет еще? Ну, не забудьте, обязательно зайдите. Через пару минут – а гобелены старинные осмотрели? Обязательно осмотрите! Опять звонок – а в зал оружия ходили? Не забудь, Яцек, покажи ребятам. Дзынь! – а «Даму с горностаем» Микельанджело видели? Нет!!! Вперед, смотреть даму! Звонок! – так, пся крев, а в усыпальницу королей почему не зашли? Заходили. Не врите, не были там! Вперед на осмотр! Эх, жалко было мало времени, сколько еще было мест, которые мы не успели осмотреть... А вообще-то огромное спасибо Войцеху, что он так профессионально руководил осмотром, пусть и издалека. Ведь благодаря ему, мы были там, куда не всякую экскурсию, не всяких, пусть

и высокого ранга посетителей водили. Даже Яцек потом признался, что сколько раз он был в Кракове, но многое видел просто в первый раз.

Однажды в Мюнхене Дитер Ханич пригласил нас в ресторан «Бургербройкеллер», там еще говорят, фашистский путч созрел в тридцатых годах прошлого века. Конечно, любопытно побывать в таком историческом заведении и, естественно, мы согласились. Но попросили Дитера еды не заказывать, есть просто не могли, были перекормлены. Нет проблем, сказал Дитер, он вообще жизнелюб и легко принимал пожелания такого рода. Пришли, сели за стол, сразу же появилось пиво, без него нельзя, это святое. Дитер рассказывает, показывает, Олег Павлович переводит, все тип-топ. Приходит кельнер, принимает заказ, нас чуть не выворачивает. Ну что-нибудь, ребята, закажите, простенькое. Мы говорим, а у вас супчика такого, незатейливого нет, случайно. О, я, я !!! Ну, супчик, думаем, полпорции, это же все-таки водичка. Появляется официант с «мисочкой», похожей на эмалированный тазик, а в этом тазике клетка лежит, величиной с футбольный мяч. Вот это супчик! Конечно, мы и четверти этой клеточки съесть не могли, как уже несут свиную ножку. Кто бы видел эту «ножку»? Эта ножка, мне кажется, была от быка, потому что у свиней ножки маленькие, я сам видел. Короче, как мы оттуда живыми вышли, я до сих пор не понимаю! А ведь всего-то легкий супчик и малюсенькая свиная ножка!

Монтаж выставки в Смольном соборе мы заканчивали в три часа ночи. Ночь, тишина, мы одни в зале, а в Смольном, говорят, архитектор повесился, тогда еще, при царях. Гулко звучат голоса, кажется, где-то привидения шастают, а тут мы – с юмористической выставкой, комики. Как-то не по себе, честно говоря. Ну все, наконец-то добились, сворачиваемся. Шилов, молодец, развез нас по стойбищам. Едем ко мне, и на Альпийском переулке вдруг на встречу – гаишники. Трали-вали, документы, откуда, куда, зачем... Мы говорим, что в Смольном соборе выставку монтировали, вот, возвращаемся домой... Менты полистали документы, хмыкнули и поехали по своим делам. И только тут я вспомнил, что накануне было несколько краж из музеев, сперли картины на большую сумму, в Публичке ухарь один умыкнул просто уникальные книги – и тут мы! Из Смольного, выставку монтировали, ага... В половине четвертого ночи! В такое время не монтируют, демонтируют выставки и за границу толкают за большие бабки! Нет, ну если бы загребли, тут бы хоть укайся, но пока бы они все проверили – перепроверили, черта лысого сразу бы выпустили! А когда выпустили бы, то уже и выставку открывать нет смысла, поздно...

В 1998 году у «Лицедеев» был юбилей – 10 лет. И группа «Нюанс» вместе с другими друзьями замечательного коллектива клоунов тоже поздравляла коллег по юмору. А что придумать, какой интересный подарок преподнести, не знаем. Думали долго, и наконец пришла прекрасная идея, – подарить «Лицедеев» книгу. Но не просто книгу, а гиперкнигу, то бишь книгу огромного размера. Несколько вечеров в огромном коридоре Лениздата клеили эту невероятных размеров книжищу. В итоге получилась она большущая, тридцать с лишним метров длины. Вышли на сцену, зачитываем поздравления, смотрим, а из кулис выносят наш подарок. Но зеркало сцены в «Октябрьском» – двадцать пять метров, а книга почти в полтора раза длиннее. Картина была достойная. Зрители тихо прибалдели. Книгу несут и несут, а она не кончается и не кончается. Уже давно ушли те, кто был в начале, но книга, как громаднейшая сороконожка, ползет по сцене и ползет... Вел этот концерт Григорий Баскин и, чувствуя, что конца этому не будет никогда, просто закричал: «Бегом!» Припустили несущие, но и то не сразу книга исчезла за кулисами. Вот это был подарочек, раскудри твою в кочерыжку! Вот это был сюрприз!

Очень крутой розыгрыш был на дне рождения Шилова. Мы с Богорадом поехали на ГТРК «5-й канал» к Мише Спичке, переговорили с его знакомым, профессиональным актером, и записали на кассету сумасшедший монолог, якобы, человека, запертого в ящике. На Витебском вокзале я заказал огромный ящик. В нем укрепили аудиоплеер с этой кассетой и оббили ящик металлической лентой – вдоль и поперек. Затем сделали видеомонтаж, на основе теле новостей, и покатали к Шилову. Да, чуть не забыл, кроме этого, мы еще везли здоровенный огнетушитель, который я выпросил в управлении Госпожнадзора (конечно, можно было просто свистнуть где-нибудь, но, как оказалось, предмет этот достаточно охраняемый). Вот и представьте, едут чуваки, везут окованный стальной лентой сундук, и вдобавок приличных размеров огнетушитель! Что можно сказать, семейка Адамсов отдыхает. В дурдоме день открытых дверей!!! Приперли это «богатство» к Шилову, говорим, вот подарок, принимай. Шилов, увидев такую мощную обивку, принес топор и лом. Пришлось его урезонить, ну его на фиг, думаем, он тут все разнесет вдребезги, намекнули, что подарок достаточно хрупкий. Рядом поставили огнетушитель. Вообще-то роль его была отвлекающей, функциональной нагрузки никакой, но какую-то смутную тревогу и определенный диссонанс в души хозяев он вносил. Ксения, жена Славки, все время косилась на огнетушитель и несколько раз спрашивала, не слишком ли большой пожар мы собираемся устроить. Пока Шилов ходил за плоскогубцами и зубилом, мы включили запись. И лишь только он приготовился открывать, из ящика раздался жуткий крик, что-то типа, эй, открывайте поскорее, тут меня два придурка засунули в ящик, один в очках, кучерявый, а другой с

такой круглой рожей, спасите, я уже час в этом ящике сижу, сейчас задохнусь! Шилов даже отпрянул. Посмотрел на нас подозрительно, мол, что мы на этот раз такое учудили. Остальные тоже посмотрели с немим вопросом. Дело в том, что, кроме нас двоих, об этом сюрпризе никто ничего не знал. Жены насторожились. А из ящика все громче и громче мольбы о помощи. Шилов заторопился, но ведь мы заколачивали на совесть. В общем, понервничать пришлось всем! Да мы еще добавляли нервозности и ужаса, постоянно переспрашивая друг друга, приготовь огнетушитель, придвинь его поближе, аккуратнее с огнетушителем... Тут на самом деле охренеешь! А из ящика пурга несется, что, мол, двое заманили его, пообещав бутылку, а потом схватили, скрутили и насильно упекли в короб, и хоть он и небольшого роста, но уже руки-ноги затекли до невозможности, и вообще он в милицию сразу пойдет, и всех на хер засудит!!!

Закончилось все чудесно и прекрасно! Потом мы еще видеомонтаж ловко запустили, где с Богорадом играли главные роли. Так, повеселились немножко, людей попугали...

Перед полетом в Варшаву, в нашем такс-фри я купил двухлитровую бутылку джина «Гордон» (знаю, что на обратном пути у меня вряд ли остались бы деньги). Так, Господи мой, что творилось за все время пребывания в Польше! Мои умеренные товарищи, мои «малопьющие» коллеги по творчеству буквально достали просьбами не жадничать и открыть-таки этот прекрасный бутыль. И это при том, что один из них обожает виски, а другой мартини. Извращенцы какие-то!..

В Мюнхене у нас было два переводчика, Олег Павлович Таруссин и его жена, Галина Сергеевна. Олег Павлович так классно говорил по-немецки, с таким непередаваемым мюнхенским акцентом – залюбуешься. Однажды мы прогуливались недалеко от какого-то здоровенного музея. Говорили про Германию, про путч, про музеи, и вдруг на ступенях этого музея Олег Павлович задвинул такую речугу на немецком, что показалось, словно перед нами был сам Адольф. У него даже тембр голоса похожий стал. И, главное, громко так, что мы даже опешили. Народ бродит вокруг, некоторые на нас оборачиваются с интересом. Мы-то не знаем, что говорит Олег Павлович, может, про пестики и тычинки, но как-то не по себе стало. Загребут ведь в немецкую каталажку за не хер делать. Мы нашего оратора за рукав – и давай оттуда подальше. Он долго потом над нами смеялся, оказывается, он читал отрывок из какого-то немецкого классика. Можно подумать, что мы читали немецких классиков, да еще на немецком языке...

Шилов зашел в книжный магазин, поглазеть, давно не был. Рассматривает книжки, читает названия, листает. Вдруг смотрит стоит одна большая, красивая книга в глянцевой обложке, а на ней написано – «Приключения маленького гомика». Ни фиги себе, присвистнул Шилов, не Борис ли Моисеев издательство книжное прикупил?.. Пригляделся повнимательнее – а это соседняя книжка закрыла кусочек буквы «Т» в последнем слове. Оказалось, книжка называлась «Приключения маленького томика».

Группа «Нюанс» – номинанты на городскую премию в области культуры «Люди нашего города». Оделись как положено, шутка ли, единственная Санкт-Петербургская награда, вручаемая деятелям культуры различных направлений – актерам драмтеатров и кино, артистам эстрады и балета, писателям, композиторам, журналистам, художникам, продюсерам, меценатам – всем тем, кто создает культуру нашего города. Это все я переписал из буклета, они умеют так гладко завернуть. Ну, ладно, не суть. Одним словом, принарядились, рядом наши жены – пушки заряжены, отправились к столикам, на которых таблички стоят, кто где сидит. Вокруг знаменитости – Зинаида Шарко, моя любимая Ирина Мазуркевич, Юра Гальцев, Андрей Заблудовский – супер из «Секрета», Борис Стругацкий, Виктор Конецкий, Андрей Ананов, Олег Басилашвили, наш друг Миша Спичка – прям-таки, как остроумно заметил Леонид Куравлев – «это мы удачно зашли»! Честно говоря, мы не болтаемся по тусовкам, иногда по причине того, что просто не зовут, иногда – нет времени, но тут все – серьезно, без дураков, поэтому приходится соответствовать мероприятию. Одним словом, все чинно, блааародно! Значит, тут мы сидим, тут призы раздают, там, значит, хлопают, мы бьем в ладоши, закусываем между делом, не отрываясь от процесса награждения, а между столиками девушки пробегают, вручают такие красивые дипломы, подарки какие-то. Подходят к нашему столику и спрашивают, кто тут ху. Шилов сидел ближе всех к сцене и начал объяснять: это вот Сидоров, а это Мамалыгин, там Душегрейкин и Бармалейкин... Девушка всем раздала, собирается уходить, а Шилов добавляет: «... а я, Вячеслав Шилов». И симпатичная улыбка появляется на

его лице. Девушка как-то не отреагировала ни на слова его, ни на улыбку.

«Я – Шилов» – повторил Славка. Ах, извините, – ему в ответ, – Вас забыли внести в списки. Бэмц! Оп-па!!! Шилов у нас очень сдержанный человек, не зря родился в Германии, там все люди суровые, арийцы, одним словом. Он не кричал, не бросал вилок и ножей на пол. Даже стол не перевернул. Просто сказал тихонько, так, что только я слышал: «Пошли вы все на хер! Пожалеете еще!» И слово свое сдержал. Когда в очередной раз «Нюанс» опять номинировали на эту награду, он не пришел. Да и мы не пришли тоже. Клятва товарища для нас важнее награды. К тому же фуршета в тот раз вообще не обещали, чего зря тащиться. Взяли пива да водки – вот забавно время провели.

В Варшаве, на Маршалковской улице мы пьем пиво и осматриваем ее: очень похожа на наш Московский проспект. Подходит к нам какой-то чувак и просит закурить, а звучит это так: «Пан угостит папиросой?» Да почему же нет! Папиросу – так папиросу! У меня как раз пачка «Беломора» в кармане, достаю папиросу, подаю. А мужик чуть не отпрыгнул на полметра. Оказывается, он подумал, что я наркоман, типа косяк забил и предлагаю. Я ему говорю: «Хотел папиросу, на – папиросу». Потом только узнали, что папироса у них означает сигарету. Вот по-ди ж ты, пойми этих панов!

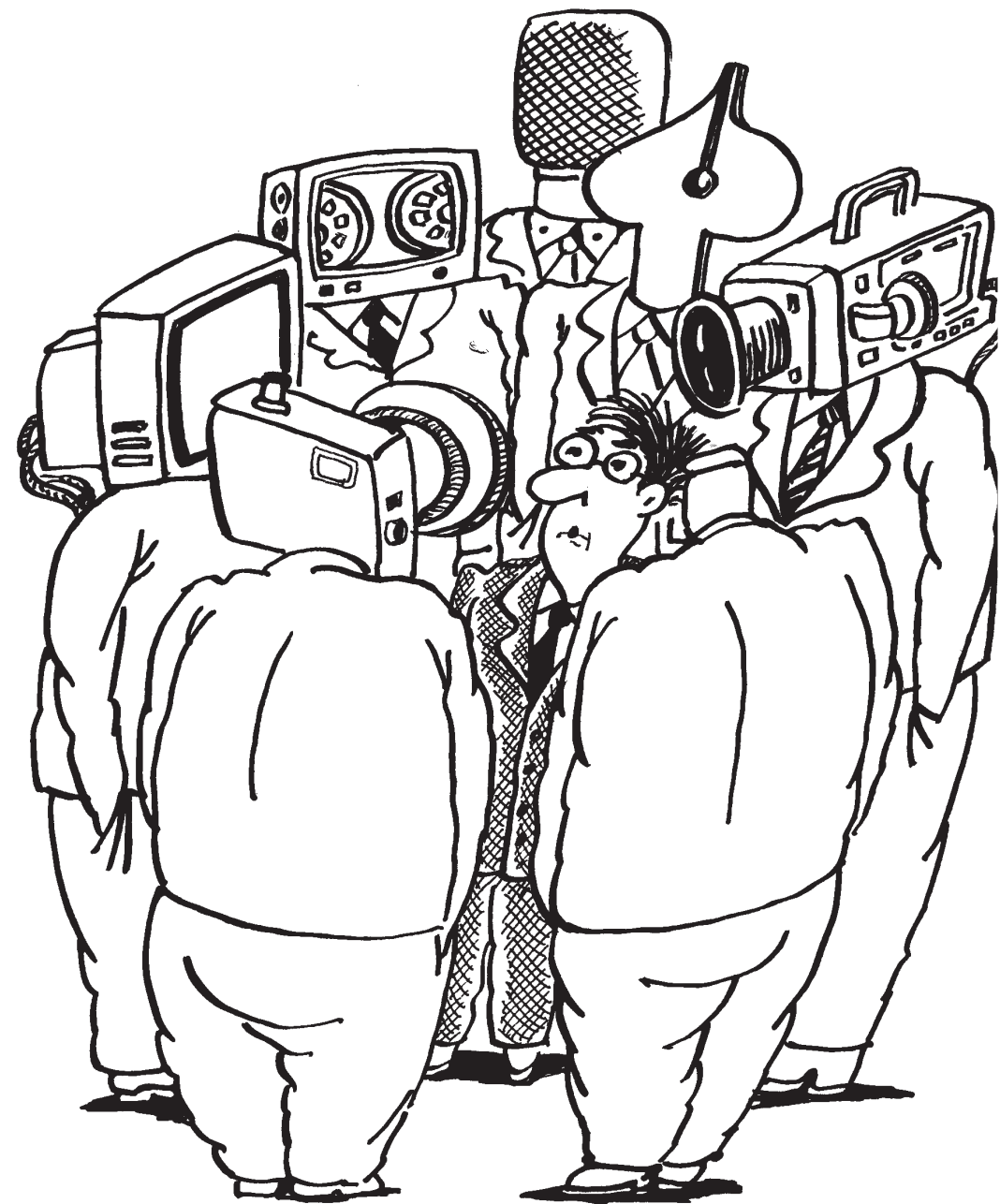

Обратился я как-то к своим друзьям из газеты «Профессия» Гале Михалевой и Варваре Михайловне Князевой с просьбой поставить объявление. Мол, так и так, художник выполняет такие-то и такие-то художественно-графические работы и дальше полный перечень работ. Какие вопросы, сказали они мне, будет объявление!

Прошел месяц и Галя Михалева спрашивает, ну, как мол, звонили? Честно скажу, не хотелось отвечать, но пришлось.

А позвонили мне два человека, НО каких !!! Первый попросил изготовить ему диплом инженера-механика??? А второй долго расспрашивал не занимаюсь ли я видеосъемками (это при том, что в объявлении было написано – художник, а не художник кино и театра). Когда я сказал, что видео не занимаюсь, человек вздохнул и сказал, жалко, очень жалко. Я поинтересовался, зачем ему это, мало ли, думаю, может кому из знакомых позвоню, помогу в проблеме. Голос на другом конце провода чуть помедлив выдал, знаете, я бы очень хотел сняться в жестком порнофильме.

Ну и как вам это?! Нет, ну убиться и не жить! Что-то с головами у людей нынче, птичий грипп что ли?..

К стати, если группа «Нюанс» приглашает вас на открытие выставки с фуршетом – это не всегда означает правду до конца. В Смольном на выставке мы налили в половину рюмок водку, в другую – воды, перемешали все и поставили на стол. Те, кто попробовал водки, выставку хвалили, кому же досталась вода, сказал, что хуже выставки, чем в этот раз у нас еще не было. А на Невском, 20 вообще приклеили рюмки с водкой к столу. А ведь, честное слово, злого умысла никогда нет в наших деяниях. Шутим так вот. Вот!

Идем у меня в номере, потягиваем вино, болтаем о том о сем, сзади что-то бормочет на нерусском языке телевизор, дымит нескончаемая сигарета Богорада. Славка валяется на кровати разглядывает расписание мероприятий на завтра. Посещение главного офиса, встреча с организаторами карнавала и прочий официоз... Богорада начинает о чем-то говорить, вдруг Шилов прерывает его: «Витя, все истории почему-то о выпивании, расскажи, например так: «Играю я как-то в волейбол...» Глубокая пауза. Богорада берет сигарету не тем концом, закуривает, кашляет и бросает ее в пепельницу. Смотрит на Шилова. «Чего??? Какой волейбол?!» И тут мы все начинаем дико ржать.

В самой старой пивоварне Германии (помоему даже и мира) «Вайнштефан» нас так классно приняли, что мы тихо охренели. Пили нескончаемое количество сортов пива – и верхнего брожения, и низкого, и какое-то мутное, и суперочищенное, можно просто шизануться и не жить больше! И под эту милую пивную бодягу сидевший рядом журналист брал у нас интервью. А тут как раз перестройка, демократия, все такое. А под пиво люди душевные, говорливые делаются... И все время задавал он такие, скажем, скользкие вопросы. – Как вам жилось при эсэсэсэре, партия обижала ли и как и прочая лабуда? Ну, достал он, как тот Маугли из анекдота. Остался ему на закуску я. А у него вопрос один и тот же, как лента магнитофонная склеенная. А скажите?... Блям-блям-блям... Знаете, говорю я ему, при Советской власти мне жилось очень хорошо, и деньги были, и жратва, и вообще я партийным функционером был, работал инструктором райкома партии, геноссе! Слава КПСС! Мужика так развернуло, что он за три стола от нас отъехал. Самое смешное, что я на самом деле в Ленинском РК КПСС работал, блин, и нисколько от этого не комплексую.

Как-то в гостях у Аркадия Спички (а кто бывал у него, знает, каким он был прекрасным кулинаром и гостеприимным человеком) довелось мне попробовать один удивительный продукт, консервированных гусениц. Помню, что, закусывая очередную рюмку его восхитительным бутербродиком (уж из чего такого вкуснейшего он был приготовлен и не ведаю), цокаю языком и говорю: «Как прекрасно!» – Это что, – говорит Аркадий, поглаживая свою черную кошку Василису, – хочешь, угощу такой вещичкой, язык проглотишь.

Зная, что у него любая вещичка – язык проглотишь, предвкушаю очередной деликатес. Аркадий приносит небольшую баночку, открывает ее и говорит: «угощайся». Сначала я подумал, что это шутка, насчет гусениц, да хрен там, в банке лежат настоящие гусеницы, толстые такие, розовато-белые. Во, вляпался! По собственной же дурости! А к гусеницам и паукам у меня патологическое отвращение с детства. Ладно, думаю, я в Ханое и лягушек с саранчой ел, и водку, настоящую на головах ящериц, пил, отведаю-ка и гусениц. Честное слово, вкуснее и оригинальнее ничего не пробовал! Вкус – специфический!!! Богорад, кстати, всегда говорит, да гусеницы очень вкусные были, но лукавит Богорад, потому что ему в тот день, к сожалению, ничего не досталось. Заболтался он в тот вечер и когда решил попробовать корейских консервированных гусениц, от них остался лишь соленьикий рассол.

**-Пока я не украл
этот чертов шампунь, у меня в
голове было очень много
перхоти...**

Как-то Миша Спичка пригласил нас на радио, тогда еще это было на Итальянской, на передачу, как они называли ее со Шведовым Иваном, культурологическая, познавательно-музыкальная «Шведская спичка». Кстати, очень хорошая передача была, я ее сам с удовольствием слушал по выходным. Пришли карикатуристы. Шведов и Спичка ведут с нами разговор в прямом эфире, никто из нас не циклится, не тормозит, если один что-то забыл, другой моментально подхватывает тему и – форвертс! – вперед дальше с красным знаменем! И так мы увлеклись разговором, что совершенно забыли, что в прямом эфире, и, самое главное, на радио! Начали показывать свои карикатуры, Миша и Иван смеются, перелистывают картинки, стоит хохот! Вспомнили, что зрители-то не видят, хотели, было, рассказывать сюжеты, но Миша вышел из положения, сказав, что, мол, дорогие слушатели, поверьте моему вкусу, картинки очень веселые и прикольные. Передача закончилась, мы еще немного поболтали, покурили и ушли. А через неделю знакомый с обидой рассказывал мне: «Ладно, я все понимаю, конечно, это ведь радио. Но нельзя же быть такими свиньями! Они там, понимаешь хохочут на весь Петербург, смеются над карикатурами, а тут хоть бы одним глазком взглянуть, над чем там ржут! Просто неуважение какое-то к радиослушателям».

Долго он еще так бухтел. При каждой встрече вспоминал эту передачу, пока в прямом эфире по телевизору не увидел картинки. Тогда только успокоился. А ведь прикольно по радио показывать карикатуры...

Мало кто знает, но после пожара на Невском, 20, мы чуть не впали в страшный депрессняк. Выставка на первое апреля готова, готова и концепция этой выставки, подготовлены работы, а выставляться негде. Год работы над новой выставкой – и все псу под хвост! Мы стали лихорадочно думать над тем, где провести эту выставку. Слава Богу, друзья из галереи «Борей» решили нам помочь. Итак, концепция выставки летит ко всем чертям, название выставки надо менять, и все это в течение каких-нибудь двух недель. Долго думали, как назвать выставку. И тут приходит гениальная идея – назвать выставку «Все хорошо, прекрасная маркиза?!» Все помнят эту веселую песенку о невеселых делах маркизы-погорелки. Но... это так и осталось идеей, выставку провели под другим названием. А зря. Ведь даже музыка под эту тему нашлась.

Шиллов как-то поспешал на дачу и по дороге заехал в небольшой деревенский магазинчик, купить продуктов, анчоусов там всяких, рябчиков, ананасов, шампанского... Магазинчик оказался не таким уж и деревенским, даже видеокассеты лежали на прилавке, аудио и видеотехника различная. Скажите, спросил он, а у вас есть «Шрек-2»? (был в наше время такой забавный мультфильм). Продавщица дебилая сонная тетка – повернулась на вопрос и ответила: «Шрека» нет, а «Доширак» вон лежит, на второй полке».

Мы улетаем в Мюнхен и в аэропорту, перед тем как пройти пограничный контроль, сдаем багаж, там же нам дают посадочные квитки. Я отдал паспорт с билетами и только лишь нагнулся закрыть сумку как вдруг сверху из-за стойки слышу голос: «Так, Леонид Григорьевич, и куда это мы направляемся?!» Что-то у меня под сердечком екнуло. И хотя ничего противоестественного я еще не совершил и совершать не собирался, но, как говорят в народе, едва в штаны не наложил. Вот ведь дурацкая ситуация, не преступник, не контрабандист, а испугался. В нашей стране даже к телеграфному столбу можно приколоться, что уж тут о человеке говорить, который тем более в Мюнхен направляется, во враждебную раньше, Советскому Союзу, страну. Наверное, сейчас какую-нибудь статью шить начнут! Но за что? – пробегает в испуганном мозгу мысль. А ни за что, был бы, как говорится, человек, а дело слепят. Ну, вот, думаю, хрен тебе, Леонид Григорьевич, а не Мюнхен, сворачивай вещички и следуйте за нами... Все это в голове пронеслось, конечно, быстро, хотя показалось, не один десяток минут прошел, пока услышал это «приветствие». Но торчать под стойкой кверху задницей становится уже как-то неприлично, надо вставать. Поднимаюсь и вижу перед собой лицо Светы Саловской, моей однокурсницы по университету. Тьфу, ты, говорю, Светка, так ведь и до инфаркта недолго! Ничего себе, шуточки! Перебросились парой слов (я уже шутить был в состоянии, вышел из ступора) и пошел на пограничный контроль. Вот там бы меня точно повязали, потому что после «прикола» на багажном контроле я такие рожи стал строить, чтобы быть похожим на свою фотографию, и выказывал такую лояльность к законам, таким нервным было мое поведение, что пограничник,

прежде чем поставить штампик, раз пять-шесть приглядывался ко мне под разными ракурсами. И прежде чем отдать мне паспорт, еще раз так подозрительно оглядел, что ехать не только в Германию, но даже в Павловск, на экскурсию расхотелось. Благодаря вот таким вот «шуточкам» люди быстро седеют и становятся пенсионерами.

Если кто-то думает, что не может быть никакой связи между шнурками от ботинок и искусством, глубоко ошибается. Монтируем выставку в ресторане-кафе «Street life», что рядом с ЛИСИ, и выясняется, что у нас нет веревки для внутренних перемычек рам. Славка прикидывает, что недалеко от Техноложки должен быть магазин канцтоваров, там уж веревка или шнур найдутся. Нет, как назло нигде рядом ни хозяйственного, ни строительного магазина. И тут Шилов случайно заходит в обувной магазин и видит... шнурки. Дайте мне, говорит он, двенадцать пар шнурков. Продавцы заинтересовались, оптовик, что ли...

Да мне все равно, но только двенадцать. План по шнуркам магазин в тот день выполнил, а мы благополучно повесили рамы. У Славки – не голова, а кладезь смекалки.

В Мюнхене одна очень симпатичная тележурналистка, интервьюируя нас, постоянно задавала один и тот же вопрос, показывая на наши картины: «А что означает ваша работа?» Блин, это просто тихий ужас какой-то! Объяснять каждую работу – это ведь надо самому таким же дебилом стать. И как вообще объяснить карикатуру?!! На седьмой или десятый вопрос, а что бы это значило, я не выдержал и сказал, что ни хрена это не значит, а мне надо срочно в туалет, так как значимость моих работ для меня уже не имеет никакого значения, что бы они ни значили для нее. С ума сойти просто можно!!!

Стою в центре Парижа, разглядываю небоскреб, который на карте обозначен очень поэтично – Башня Монпарнас. Подходят два ангела, такие настоящие, с крыльями, в белых одеждах, на ногах кроссовки, просят закурить. У одного из них, более бледного, отчетливо прослеживались вторичные половые признаки. Женщина-ангел? Достал сигареты, они взяли по одной, прикурили от моей сигареты и пошли по Рю де Рене в сторону Лувра. Ни хрена себе, только и мог я подумать, когда они отвалили. Теперь только чертей не хватало. Монпарнас-с, едрена шишка!

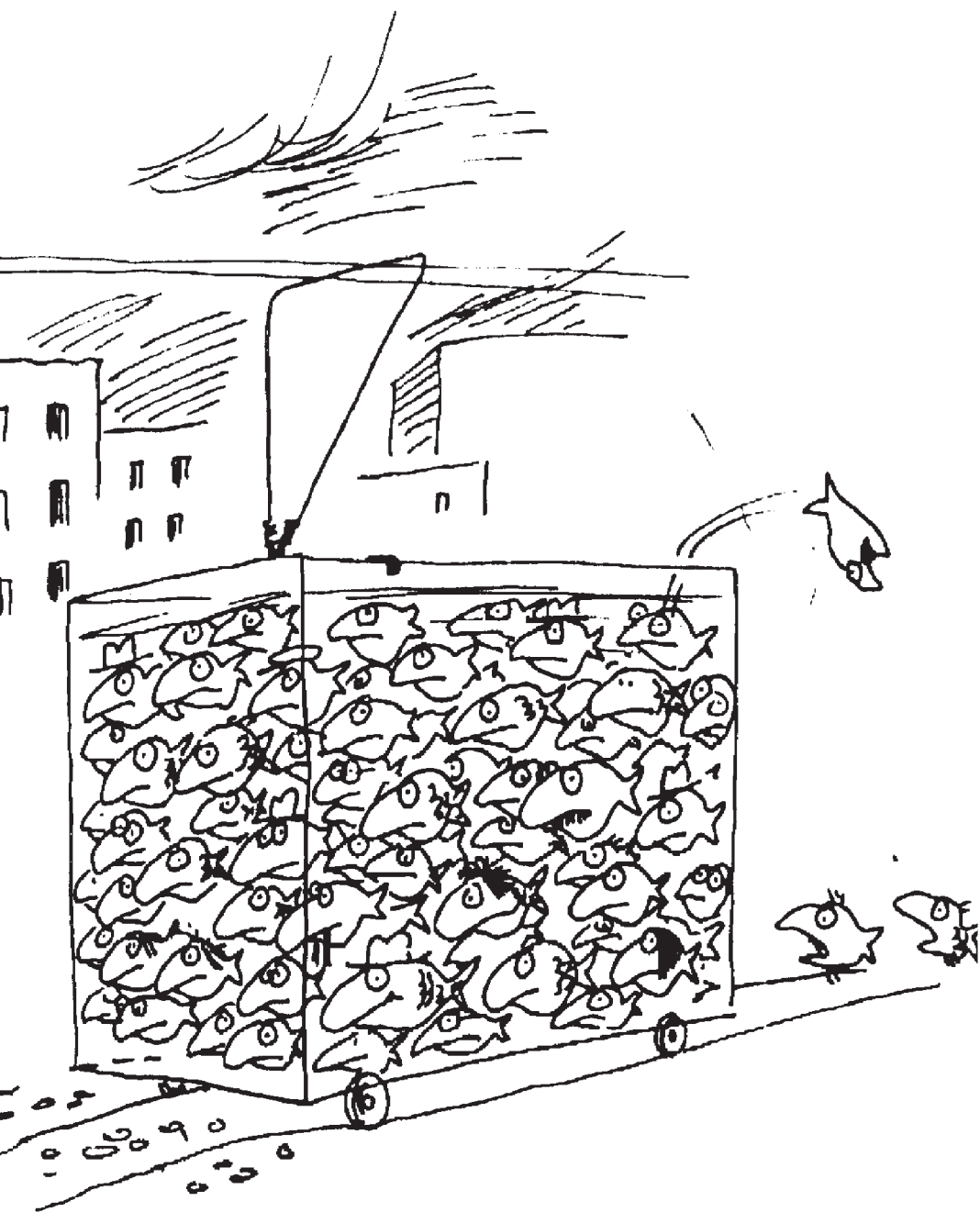
Прилетел к нам американец, Том Цвик, из флоридской газеты «Сан-Сентинел». Прилетел он специально, чтобы сделать репортаж о группе «Ню-анс». Оказывается, Шилов как-то познакомился с ним в Интернете и долгое время переписывался. А потом тот сказал: ребята, хочу приехать в Россию и познакомиться с вами. Да не проблема, ответил Шилов, ждем. Он прикатил, побывал у нас в гостях, пил водку, ел маринованные и соленые огурцы, закусывал салом, жирной ветчиной, ел жареную картошку (для них это все – сплошной холестерин), да еще приговаривал, – «очень хорошо». Шилов даже по заказу «Сан-Сентинел» сделал потом карикатуру, как это все происходило. Прекрасная вышла картинка! Вообще, вел себя американец запросто. А после седьмой или шестой рюмки вообще стал анекдоты травить. Хороший мужик оказался. Но интересно не то, как он пил и закусывал, а то, что он рассказал позже. Когда он прилетел в Санкт-Петербург, его предупредили, чтобы в такси или машину не садился, если в ней уже есть пассажир. Мол, водила и пассажир на пару скрутят, денежки отберут и выкинут. И хорошо, если так. А может, и летальным исходом закончиться. Напугали парня. Стоит он, значит, после этого сурового инструктажа у гостиницы «Астория», ждет Славку. А мы немножко застряли в пробке и на пару минут опоздали. Подкатываем к гостинице, Шилов открывает дверь, американский журналист садится и... видит, что кроме него и водителя, в машине еще двое. Тут с одним предупреждали – не садись, а здесь аж трое! Всю дорогу, рассказывал Том после этого, он смотрел по сторонам, пытаясь запомнить, куда его везут, чтобы, если повезет, добраться обратно. Но Шилов проложил такой маршрут, что он в конце концов перестал во-

обще что-либо понимать и полностью положился на волю Божью. Потом мы, конечно, хохотали над этой историей все вместе, но, как признался Том, ему было не до смеха, когда он увидел, что, кроме Славки, в машине еще два здоровенных мужика поедут, а наши улыбки ему показались гримасой смерти. Мол, ну вот мужик, ты и попал, слушаться надо было инструкторов, они дурному не научат... . Все это Том описал в статье, которую и напечатал в «Сан- Сентинел» в 2001 году.

Славка Шилов у нас большой весельчак и шутник. Как-то он ездил на Новый год под Выборг, у него там дача. Вокруг живут богатые люди, дома крутые, заборы кирпичные, дорогие машины. И Новый год там встречают не жалкими салютиками, а такими серьезными запусками ракет (очень дорогих), словно это Байконур. Но чтобы переплюнуть Шилова, надо быть суперШиловым! Славка привез охрененную штуку – имитатор взрыва артиллерийского снаряда. Что уж это за хренотень такая, объяснить не могу, Шилов и сам толком не мог рассказать. Но когда он эту штуку «включил», то в радиусе полутора-двух километров зазвенели стекла в домах и у всех машин разом включилась сигнализация. Собаки в дальних деревнях выли от ужаса полночи. А Славка спокойно праздновал Новый год! Потом даже вертолет прилетал в их район, осматривали, что же это такое бумкнуло! А это просто Пятачок бежал и упал прямо на шарик...

Евгений Веселов, наш хороший и добрый товарищ, одним из первых в городе додумался, чтобы повесить на стены своей квартиры работы художников группы «Нюанс». Тут все просто. Все знают, что произведения художников иногда после их смерти (не всегда, подчеркиваю, и не всех!) вдруг становятся востребованы культурным обществом и различными почитателями и коллекционерами. Они даже становятся жутко дорогими и недоступными для других, менее денежных собирателей прекрасного. А иногда их даже продают по суперценам на аукционах типа Сотби или Кристи. Но это так, отвлекся я. Веселов, конечно же, об этом совершенно не думал, ему хотелось просто покалякать с художниками, попить винопродуктов, да и просто отдохнуть от утомительной работы газетного работника. Первой, украсила стены картина Богорада (посидели, выпили). Потом свою работу принес Мельник (выпили, посидели). И конечно же после этого свою картину повесил Шилов (сидели, выпивали, говорили). Интересно, что мы всегда пили любимый Женькин напиток – джин «Капитанский», хороший, кстати, отечественный джин. И никогда не зю-зю! Потому что его жена Лариса готовила отменную закуску, а это помогает правильно и культурному выпиванию. Покупайте, граждане, картины группы «Нюанс» и приглашайте в гости художников.

Марк Галесник, редактор еженедельника «Беседер» очень часто печатал в своем журнале карикатуры разных художников, в том числе и работы художников группы «Нюанс». И все у него шло чин-чин-нарем. Правда, с гонорарами авторам туговато. То не переправить деньги в Россию, то оказии нет никакой, в общем, не было постоянства выплат. Но все понимали, что это сложное дело – быть редактором зарубежной газеты – и ждали, когда он сам появится в Питере. Деньги он привозил, когда приезжал на фестиваль юмора – «Золотой Остап». И вот, аккурат где-то в 1994-95 годах приехал он на фестиваль и встречает Богорада. Обнимаются они, руки жмут друг другу, а Богорад возьми и скажи: как мол там, гонорары? Понимаешь, сказал Марк, мы долгое время не печатали твои работы, поэтому и гонораров нет. И подает ему свежий номер «Беседера». Как это не печатаете?-, натурально удивился Богорад, увидев в номере свои карикатуры. – А это что? Ну надо же, – в свою очередь изумился редактор. – А ведь действительно, понимаешь... Самые твои работы... И дает Богораду десять долларов. И это все, сказал Богорад, да у нас в России и то больше за одну картинку платят. Все, сказал Марк Галесник. Богорад понял, что больше ему ничего не обломится, попросил Галесника оставить на банкноте свой автограф. – Это мой самый памятный и самый маленький гонорар за всю жизнь, – сказал Богорад, – и заплакал. А потом запил горькую на неделю.

Мы стоим с Богорадом и Шиловым на открытии выставки Севы Салищева в выставочном зале библиотеки Блока, что на Невском, 20 и мучительно думаем: как бы нашей группе выставиться на этой замечательной площадке? И вдруг к нам подходит директор Галина Павловна Волосова и говорит: «Ребята, а вы не хотите у нас выставиться?» Чес-слово, я даже похолодел и понял, что мысли могут материализовываться. Это были самые замечательные годы в нашей творческой деятельности (каждую выставку, по подсчетам, посещало до тридцати тысяч человек). А самое смешное, что когда мы монтировали первую выставку, Галина Павловна спросила, не надо ли нам чего – гвоздиков, веревок, ножниц, молоточков, а мы хором ответили – нет, у нас все есть! Да вы не художники, воскликнула Галина Павловна! Надо же, у них все есть! А я знаю, что у художников никогда и ничего этого нет. Но мы-то ведь группа «Нюанс»!

Недалеко от французского города Лимож есть небольшой городок, Сент-джюс-ле-Мартель, так себе, даже скажем, поселочек. Я приехал на фестиваль карикатуристов. Все серьезно, жюри, бургомистр города, первые лица, речи... Вдруг приводят здоровенную белую корову – это Гран-при конкурса за лучшую винную этикетку. Вручили чуваку, по-моему, из Бельгии, не помню уже... И тут я просто зарыдал от смеха, ну, не выдержал этого зрелища. Представил себе: вручают приз художнику из Бразилии или какого-нибудь Якутска! Это ж какой «самовывоз»! А таможеню проходить?! А в самолет ее!? Не, французы тоже ребята с юмором...

Были мы в гостях во Фрайзинге (Бавария), у одного частнопрактикующего доктора. Классный мужик, на выставку приходил, купил работу. Приходим к нему, он встречает у дверей. Оказывается, дом его собственный. Вот эта дверь, говорит он, ведет в мою приемную, эта – в операционную, здесь еще один лечебный кабинет. Мы ходим, цок-аем языками, а кто-то пошутил, так беззлобно, – а где морг? Доктор чуть не поперхнулся от вопроса. Какой морг? Понимаем, что сморозили а-ааг-ромную глупость. Да шутка это, анекдот такой в России у частных врачей существует. Запутались нахрен окончательно, пока успокоили доктора. Он потом еще долго вздрагивал когда мы о чем-нибудь его спрашивали и хохотал как-то невпопад. Нехорошо вышло с медициной, нехорошо. Шуточки у вас, боц-ман, дурацкие, только и могу на это сказать.

Елава Шилов, работая еще тогда в газете «Невское время», сделал картинку про зоопарк. И в этой картинке, сюжет уже не помню, отчего-то ржала зебра. Весело, поди, ей было... А через некоторое время пришло серьезное письмо от серьезного человека, где он популярно объяснял, какого это хрена художник рисует себе зебру, которая ржет. Прежде, чем рисовать, писал серьезный человек, нужно сходить в зоопарк и узнать, как именно ржет или свистит, или кричит то или иное животное. А уж потом размещать свои карикатуры на страницах. И не надо путать, сбивать с толку и приводить в замешательство добропорядочных и все знающих граждан, которые уж отличат, как ржет ворона и каркает зебра. А то все, понимаешь, художники да писатели...

Давно это было, наверное, в 1992-93 годах... Собрались университетские товарищи и решили бухнуть. Попросту – хорошенько выпить. Купили спирту «Рояль», был такой, был... Говорят, за границей этим спиртом каминьки разжигали, но мы народ советский, каминьки отродясь не было, а если бы и были, то уж, наверное, бумагой или берестой разжигали бы, а не спиртом, что мы, дикари! Да ведь за разжигание спиртом печки можно было бы и в ухо схлопотать! Ась! Помните, как Юрий Никулин в фильме говорил? Водку?! Разбить?! Да я тебя!!! Значит, взяли спирта, закуси незатейливой и пошли к Илюхе Виницкому отмечать. Напились, есте-с-сно! Стали расползаться по домам. А меня последняя рюмка с ног свалила. Славка, молодец, не бросил, дотащил до угла Гороховой и Загородного проспекта, тут я и ага... Шилов потом рассказывал: я тебя затащил в парадную, думаю, пока ты посидишь, я машину тормозну. Стал, говорит, тебя устраивать на ступеньку, куртку поправляю, смотрю, мужик сверху спускается. Поглядел на нас и пошел на выход. Ну, думаю, пойдет сейчас ментовозку вызовет. Через некоторое время тот мужик возвращается и говорит Славке снимай, мол, с него куртку быстрее, не бойся, я посмотрел, ментов рядом нету. Шилов и обалдел – вот народ! Он тут, понимаешь, товарища спасает, а этот гад думает, что человека раздевает. Сво-ло-чь! Славка говорил, что его потрясло такое отношение советского человека по отношению к такому же советскому. Поэтому он в партию и не вступил, хотя, быть может, просто и не хотел... А мужик этот, сказал Славка, наверное, подумал, я, мол, сниму куртку, а тому ботинки, носки – трусы достанутся... Все как-никаку одежонку понимает! Ну что у нас за народ-то такой?! Скверный?!

Мы сидим в престижном берлинском ресторане «Плаза», самом модном и дорогом. Час назад в «Мессе центрум» открылась наша выставка. Ее посетила даже жена бывшего президента Германии фрау Герцог. Официальная часть, выступающие министры, мэр Берлина, доклады, речи, аплодисменты, ответные слова благодарности – напряжение приличное, кто не верит, пусть сам испытает. После официальной части – фуршет. Чтобы сбить напряжение и стресс, залпом выпиваем по паре бокалов вина. (Что интересно, официанты, обслуживающие этот фуршет, внимательно следят за гостями. Если ты пьешь определенный сорт вина, то тебе будут наливать именно его. Выпил бокал, разговариваешь, обернулся, а он уже вновь наполнен. Когда успевают?) Итак, сидим в «Плазе», а на столе ведро с шампанским и водкой. Кстати, водка «Столи», московского завода «Кристалл». Другую там не пьют. Здесь уже можно внутренне расслабиться, официальная часть позади, жена президента уехала, вокруг – наши друзья. Дитер Ханич без остановки заказывает водку, все пьют и, что удивительно, ни хрена не пьянеют. Видимо это нервное напряжение не дает окосеть. Девочка-официантка своей униформой, стрижкой и манерой резко ставить на стол очередную бутылку почему-то очень напоминает гитлерюгенд (прошу прощения за сравнение, но не только у меня такие ассоциации, Богорад это тоже замечает). Водка не забирает, в ведре из-под шампанского уже – гора бутылок, я спокойно разговариваю с немцем на его родном языке, он меня тоже понимает, над нашими столами стоит гул общения. Девочка с бутылками «Столи» бежит еще быстрее, Дитер, как нам кажется, уже не открывает, а отрывает гор-

лышки. Пьем, закусываем, курим, говорим, подбегает официантка, ставит очередную бутылку, Дитер, не глядя, открывает ее, разливает... Какой – то нескончаемый калейдоскоп действия. Русских (да и немцев тоже) не берет «Столичная».

И ведь что сломало! Принесли по бокалу какого-то напитка. Выглядит это так. Бокал, сужающийся вверх, покрыт кремом, внутри, в жидкости, плавают фиго, то бишь, инжир. Начинаешь пить, все лицо, естественно, в креме, фиго не дает жидкости вытекать, затыкая, словно пробкой изнутри, материшься про себя, потому что похож на идиота, всех это веселит и потешает. После долгой борьбы с фигой, я всосал ее в себя, даже не успев удержать, проскочила в желудок, словно последний троллейбус и тихо отъехал. Богорад потом сказал, что, по его мнению, в бокалах был просто чистый спирт, так как до этого водка нас просто не брала. Нет, пьяными мы не были, но ключи от квартиры я в Берлине потерял. В такси, по-моему...

У

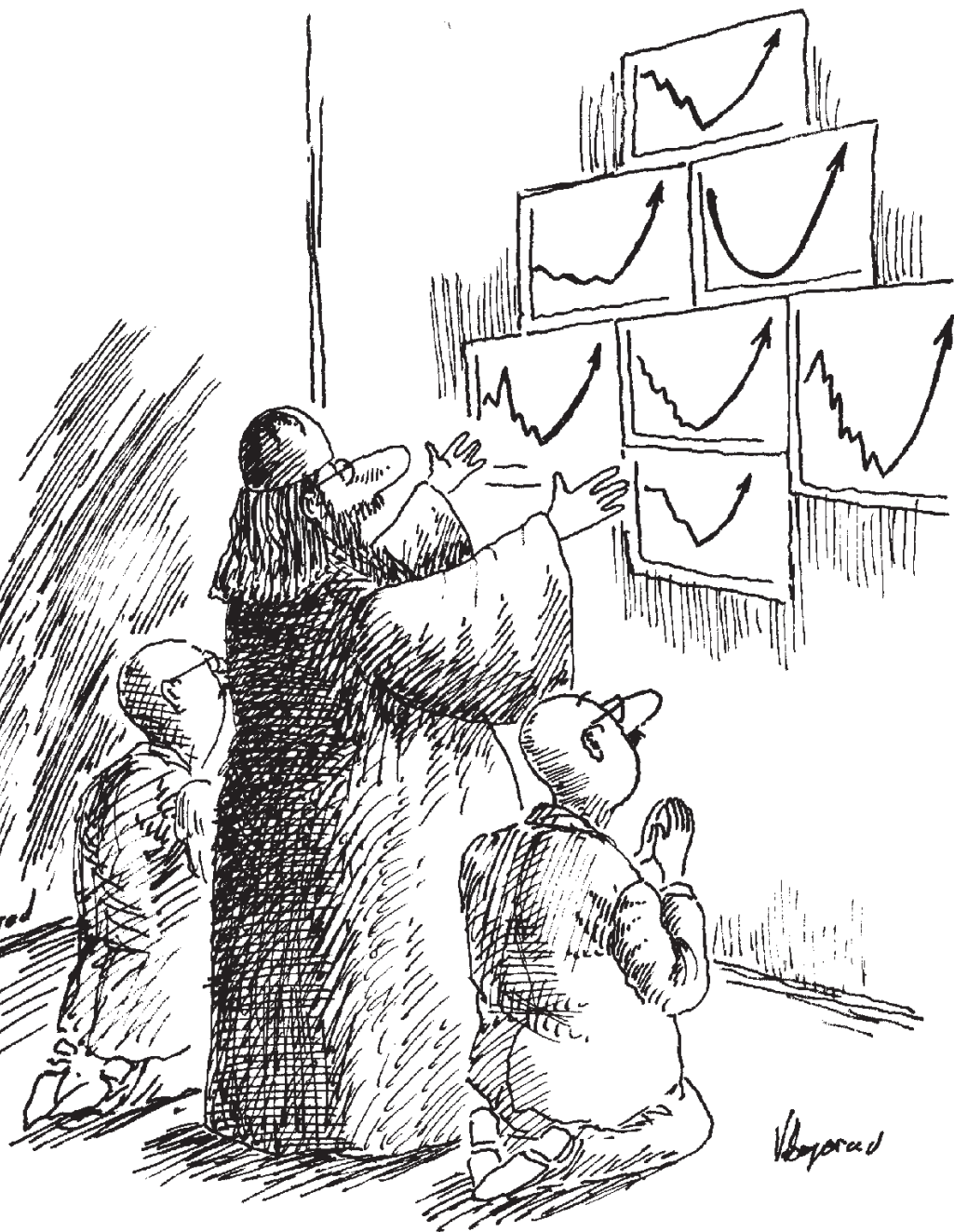
Богорада и Мельника есть неосуществимая мечта – побывать в Финляндии. И самое -то главное, Хельсинки вот они, рядом, а все никак. Где уж только не были, в каких странах, Богорад даже в Америку слетал, а в Финляндию все никак не попасть!

Да, Леха, Сказал мне как-то Богорад, Финляндия – недостижимая для нас страна, вот ведь какая загадочная получается...

Самый смешной памятник Тарасу Шевченко я видел в Киеве, на Андреевском спуске. Какой-то местный скульптор забубенил из камня удивительного чувака. Он сидит и смотрит то ли на Днепр, то ли просто в сторону. Но весь прикол в том, что кобзарь совершенно карикатурный, какой-то пьяный бомж, а не великий украинский поэт. Балда у него отчего-то большая, как у младенцев, у которых она всегда очень крупная по отношению к туловищу. Да и тело какое-то болезненное. Грудь впалая, будто страдает он чахоткой, а спина таким горбом вздыбилась. Как-то наоборот все, нет бы живот вперед, а спину ровной. Андрей Бильжо, помню, даже какой-то диагноз вывел (все-таки доктор, он-то знает!) да я, блин, как на грех, забыл. И вот ведь что интересно: этот скульптор, собака, парень – не дурак. Нет, возможно, он и не думал об этом, но почему-то всем больше запомнился этот Тарас Шевченко, а не тот, что стоит на площади. Тот пафосный, а этот свой, простецкий, около него и бутылочку можно распить и не покоробить великого человека таким вот отношением. Побольше бы подобных «монументов» – и народ был бы добрее.

Как мы придумали и обосновали новое направление в искусстве «artoon»? А вот так и придумали, но никому не расскажем!

Ковальского Сергея, директора центра «Пушкинской, 10» мы любим и уважаем и ничего ему плохого не хотим. Но однажды из-за нас он едва ноги не переломал. Мы открываем на Пушкинской выставку под названием «О, пять!», у нас как раз юбилей был, пять лет группе исполнилось. Много разных штучек мы в тот раз заготовили, а среди всех приколов заклеили входную дверь на выставку с двух сторон черной пленкой, а пространство между пленками доверху забили воздушными шарами. По сценарию, Ковальский разрезает ножом пленку и проходит вовнутрь. Шарики разлетаются, трах-бах-бах! весело!!!

И вот, Сергей толкает речь о группе собравшимся вокруг зрителям (а много народу было, вся лестница забита снизу доверху), берет здоровенный нож и разрезает пленку. Делает шаг и с веселым матерком летит внутрь. Шарики взрываются под ним, под ногами, шум и гам – ну, думаем, сейчас Ковальский что-то нам этим ножом отчекрыжит! Не миновать... Но Ковальский юмор ценит и любит и нам тогда он ничего не открыл. А мог бы... Помните анекдот про дедушку Ленина... То-то!..

Кстати, в тот день мы порадовали всех зрителей фильмом про группу «Нюанс», который сделал брат Славы Шилова, Дима. У него тогда был дебют, и мы, которые уже посмотрели этот фильм несколько десятков раз, смотрели его, словно в первый раз. Велика сила искусства, велики режиссеры, монтажеры, озвучка и компьютерная обработка в одном лице Димки! Вах, молодец!

Приехали мы с Богорадом в Киев на семинар карикатуристов. Тема семинара, по-моему, – «Свобода слова». Заселились в отель «Украина», времени впереди вагон и маленькая тележка, давай, думаем, прогуляемся по столице земли русской. Позвали Андрея Бильжо, Сергея Тюнина, еще какие-то карикатуристы решили прогуляться и пошли на Андреевский спуск. Спускаемся по СПУСКУ, и тут вдруг Богорад говорит: нет, что-то дальше мне идти не хочется... А, действительно, идем и идем, и по времени, и по расстоянию прошли много, а спуск этот все не заканчивается. Богорад уже пыхтит (это мы идем вниз), я тоже поскрипываю и с ужасом представляю подъем наверх. А Володя Казаневский, киевский художник и организатор семинара подбадривает: да ничего, мол, все нормально, вернемся обратно в гостиницу. Нет, сказал тогда Богорад, я наверх уже подниматься не буду, а жить буду внизу. А если хотите – несите меня наверх. А Богорада нести, это не килограмм картошки с рынка! В общем, сползли мы с этого спуска, выпили горилки «Немирофф» с перцем и приехали – таки в свою гостиницу на метро. Как там живут киевляне, город какой-то весь горбатый. Нет, нам жителям равнинного Петербурга, там жить хреновато очень будет...

Шилов с Богорадом полетели в Алма-Ату на международный фестиваль карикатуристов. Собрались с карикатуристами из разных мест, общаются, тут уже фуршет готовится, вдруг Слава встает и говорит: мол, надо в казино сходить, у меня, говорит, привычка такая, баксов сто-двести срубить, а потом спокойно отдыхать. Богорад решил не отпускать Славку одного, что-то уж больно криминальным ему показалась обстановка. Спустились, наменяли жетонов по пол-бакса. У Шилова вдруг так игра поперла, что вокруг толпа собралась. Шилов ставит фишки по пол-бакса, а рядом подставляют по сто-пятьсот номиналом. Слава поиграл и, несмотря на то, что ему везет, говорит – баста! Обменяли фишки – он выиграл около двухсот долларов и спокойно отправился на банкет. Карикатуристы спрашивают: ну, как мол? Шилов показывает деньги – народ просто охренел. Это же надо, пошел спокойно, заработал за семь минут двести долларов!!! Ничего себе, привычка!..

В свое время казино «Премьер» заказало группе «Нюанс» тридцать картин-карикатур на тему игры. Долго отбирали устроители то, что им больше всего подходит по теме. После того, как работа была выполнена, казино и группа договорились, что работы будут через три месяца возвращены группе. А за время аренды художникам группы была выплачена денежная компенсация. Через три месяца руководители сказали: знаете, ребята, а работы обратно мы вам не вернем. На наш немой вопрос, как это, мол, они говорят. «Работы мы не вернем, а ... просто выкупим. Для себя. Как художественный фонд для подарков клиентам».

Оказывается, наши работы побывали на выставке игрового оборудования в Лондоне, где павильон казино «Премьер» произвел фурор. Благодаря картинам, развешанным в павильоне казино, самое большое количество посетителей было именно у них. Люди подходили посмотреть смешные картинки, а заодно и подходили к оборудованию. Завязывались нужные контакты, знакомства... Кстати, одному американцу, производителю «одноруких бандитов» они подарили одну из наших картин, так мужик был доволен, словно ребенок. Золотых зажигалок и портсигаров у него до фига, а такая картина – одна в мире!

Побродив по Каннам решаю отправляться обратно в Ниццу. Перед посадкой на поезд вдруг почувствовал – надо! Забегаю на вокзал по маленькому – нет туалета! Е-мое, и это Канны, Европа!!! Месье, спрашиваю у служащего, где здесь туалет? А вон, месье, вышел он из здания и показал на кабинку посреди привокзальной площади. Добегаю, кидаю в приемник сорок евроцентов, бегаю вокруг туалета, ищу вход. Бегал, бегал, нашел-таки дверку, открыл, фу-уу, сейчас помру. И кто придумал сделать вход совершенно с другой стороны?!.. Оглянулся – мама мия! Дверь не закрывается! Ни крючка, ни задвижки какой, ни хрена, сумку повесить некуда! Ладно, не до барства. Только принялся за «дело» кто-то рвется в дверь. Тоже, видимо, надо... Я одной рукой держу дверь, другой ширинку ищу, а этот кто-то настойчивый такой, словно домой прибежал с улицы. Приоткрыл, смотрю, негр скачет на одной ножке. Велик Аллах и его слуги! Послал его подальше на чистом русском ко всем джиннам и шайтанам, не останавливаясь в процессе.

В общем картина такая. Скачет на одной ножке чувак, я не могу остановиться, дверь туалета открыта настежь посреди площади в кинематографической Ницце... Ребята, «Пальмовая ветвь» следующего года будет моя, потому что такой сценарий ни черта не выдумаешь!

Богорад пожаловался однажды, что ему «везет» на странных заказчиков. Для одной фирмы он выполнял заказ, где его попросили не забыть нарисовать пыль на ботинках. Что, сказал он? Надо, сказали ему! Ну, надо так надо, пыль пустить – не проблема. Все-таки Богорад мастер и работу эту выполнил отменно.

Другие попросили обязательно нарисовать для рекламной кампании не просто женщину, а именно москвичку... А!? Шиза полная!!! А ежели бы гусь-хрустальчanka понадобилась, тогда как?

Некая крупная контора при подписании контракта на изготовление графических работ включила пункт: «Предоставить количество эскизов необходимых для полного удовлетворения заказчика». Это как, спросил Богорад, успев поймать слетевшие от удивления очки, откуда я могу знать на каком из эскизов у вас наступит оргазм. Заказчики покраснели, но пункт оставили.

Но больше всего его поразило желание н-ских заказчиков, которые непременно пожелали сделать рабочему конвейера «неотразимо обаятельное лицо». Знаешь, Леха, сказал он мне, я не понимаю, откуда на меня сваливаются все эти сумасшедшие и за что такое наказание... У меня от этих «неотразимых лиц» скоро перхоть в голове появится. И нервный тик, добавил он.

В 2005 году Шилов и Богорад ездили в Ниццу. Летят обратно и на пересадке в Париже опаздывают на самолет, который отправляется в Петербург. Опаздывают, естественно, не по своей вине. Сотрудница «Эйр Франс» сочувствует и говорит, что, мол, вина не ваша, полетите завтра. А на сегодня вам предоставим номер в «Хилтоне» за счет компании. Ваши паспорта, плиз! И побледнела. У Богорада именно в этот день закончился срок действия паспорта. Тут побледнел Богорад. Париться в обезьяннике с французскими клошарами, зная из языков только немецкий... Обзавидуешься! Приехали жандармы, забрали паспорт, слава Богу, Богорада оставили. Через полчаса вернулись с исправленной датой.

Шикарно покусав в ресторане гостиницы «Хилтон» к Богораду вернулось прекрасное настроение и,ковыряясь зубочисткой он обращается к Шилову: «Знаешь, Славка, если еще раз полетим, обязательно нарочно опоздаем, уж больно хорошо здесь кормят...»

О паспорте и перепуге конечно забылось...

Самое интересное, что на следующий год они опять опоздали на самолет, но уже кормили похуже и отель был пожиже.

Одна из газет заказала Шилову серию рисунков, на которых должен быть изображен их логотип, но обязательное условие, что этот логотип должен был быть связан с узнаваемым символом страны и чтобы читатели могли отгадать, где это происходит. И угадать, естественно, эту страну. Конечно, задача простая и для простого зрителя, не отягощенного высоким интеллектом. С заданием Шилов справился. В Америке – это естественно статуя Свободы, читающая газету с этим логотипом, во Франции, Германии, Англии – тоже определенные стереотипы, в Чехии Славка нарисовал солдата Швейка с кружкой пива и пеной в виде логотипа, а в Голландии он нарисовал чувачка на фоне тюльпанов курящего сигаретку, с дымом в виде того же логотипа. Каждый из нас знает, какую сигаретку курил голландец, но вот что интересно. Картинку о Чехии завернули – мол, не самое лучшее, алкоголь и газета, а на историю о Голландии почему-то внимания не обратили... Смешно-с...

Мы сидим в большом шатре рядом с набережной Promenad des Anglais, где обычно проходит карнавал и где обедают организаторы и высший совет карнавала. Все как у нас в советские времена. В руке талончик, заказываешь понравившиеся блюда - сиди, жуй... Все бесплатно, ведь мы тоже, пусть и небольшим боком, но относимся к карнавальная элите. Вино здесь вместо воды и никаких талончиков на него не нужно. Дотянулся до графина (а их там море!) – пей, сколь хошь! Русские, французы, англичане - сидим, разговоры разговариваем, Богорад протягивает бокал к моему графину: «Леха, налей мне красного, я уже устал от розового». Как быстро человек привыкает к хорошему... Розовое ему уже не в тему. Эвон как!

Только мы приехали из Германии в 95 году как вдруг звонок с радио «Модерн»: ребята, приезжайте на прямую линию, хотим сделать интересную передачу с вашей группой. Поехали ночью за город, там находилась студия. Мы с Богорадом выпили водочки, заранее запаслись – и на прямой провод. Передача вышла на редкость интересная, а, кроме того, мы продавали первую нашу книгу, которая вышла ограниченным тиражом, всего 30 экземпляров. Каждый номер был пронумерован. Обалдеть можно! Ни один из слушателей книги этой не видел,

все-таки радиоэфир, а не телевизионная передача, но торговля была крутая. Ставка за книгу уже доходила до ста пятидесяти долларов за экземпляр. Позвонили даже из «Крестов» – как они там умудрились дозвониться до эфира – ума не приложу! В общем, купил один чувак этот редкий экземпляр за сто восемьдесят баксов. Не хило, да?!

Едем в поезде из Киева. Богорад лежит на верхней полке и читает книгу Володи Казаневского «Искусство современной карикатуры» Проходит несколько минут, книга пролетает мимо меня и шлепается на пол. Я поднимаю ее, подаю Богораду. Качнуло, что-то, говорит он. Читает дальше. Опять летит книга. Что за черт! Подаю. И так несколько раз. Что такое, думаю, не шторм же, все-таки... Поглядел наверх и вижу такую картину. Богорад читает, глаза закрываются, рука разжимается и книга по накатанной траектории плюхается вниз. Да, сказал Богорад, когда я в очередной раз подал ему книгу, хорошая книга, даже не потрепалась, столько раз падала... но слишком для меня сложная... Посплю, лучше.

В программе Ильи Лазерсона и Михаила Спички «Чужая кухня» довелось нам как-то с Шиловым покуховать. Мы посадили Богорада в первый ряд, чтобы фотографировал наш будущий провал в кулинарном искусстве, закатали рукава – погнали. Ох и покувыркались мы со Славкой, готовя праздничный торт! С продуктами сплошной розыгрыш. Что за продукты, черт разберешь, все в одинаковых колбочках и тарелочках, ху из ху?... Как взбить сливки - нагревать или нет? Что такое кардамон? В детстве я ел булочки с марципанами, но как он выглядит, даже не представлял... Тыкаешься, как котенок в продукты, что, где – разбери попробуй... Позор полнейший! Краем глаза гляжу за Славкиными пирютами. Боже, он крошит авокадо в торт вместо манго! Но подсказывать нельзя. А тут еще Мурат Султаниязов сбивает. Да, это тот продукт, правильно. И через секунду. А может быть и нет. С ума сойти! Слава Богу, нужно было пропитывать коньяком коржи, я пока «искал» нужный алкоголь (умышленно долго) хоть сбил нервный стресс. Когда мы сотворили все-таки эти «праздничные» торты, единственная мысль не оставляла меня, не заставили бы съесть эти изделия. Обошлось, слава Богу! А то говорят с парашютом прыгнуть, по Вуоксе на байдарке сплавиться, фигня все это... Тут такой выхлоп адреналина, мама не горюй!

А

не хотел писать об этой истории, но ребята все подзуживали, почему об этом не рассказываешь, слабо, да?! Ну и решил, а, ладно, подумаешь, эксплуататор...

В 1987 году, когда Богорад уехал в Польшу, в Легницу, я улетел по приглашению во Вьетнам. Все в кайф! Тепло! Нет, не тепло, а ужасно жарко! В ноябре плюс тридцать пять в тени. Восточно-Китайское море, прекрасные пляжи, отдых под пальмами, приемы, национальная кухня, ля-ля-фа!

И в один из дней мы заходим со знакомым, Валерой Козловым к одному знакомому вьетнамцу, родители которого содержат кофейню. Этот вьетнамец был местным коммерсантом. Помню, я подарил ему часы, они у нас двадцатку-тридцатку стоили – он просто в кайфе! Во Вьетнаме в то время полный абзац был, нищета! Попили кофе (о, это был настоящий кофе, совершенно не то, что мы пьем) выпили по паре рюмок холодной рисовой водки (а вот с этим у нас была засада, Горбачев наехал!), а тот говорит, приходите вечером, я дефицит из Сайгона привез.

Пришли вечером, он провел нас наверх, в свои апартаменты, сели на циновках. Наш знакомый открывает здоровенный кувшин, вот, говорит, водка, настоящая на головах ящериц, очень крутая и полезная! Смотрит на нашу реакцию, а нам как-то это по барабану. Ну плавают в кувшине головы рептилий, подумаешь, фигня какая...

Напробовались мы в тот вечер экзотичного напитка хорошо, Козлов едва не сверзился с лестницы. Нет, думаю, не доведу его до гостиницы «Демократия». А вьетнамец, дружбан наш, говорит, зачем вам пешком-то. Свистнул, тут же подкатил рикша. Загрузились и с ветерком вперед. Рикша к таким фи-

гурам не привык, кряхтит, потеет. А нам как-то весело стало, песню поем «Ой мороз, мороз»... Так под песню три круга вокруг озера «Возвращенного меча» и нарезали, потом попилили к гостинице.

Вышли из коляски, хорошо заплатили за доставку, а взмокший рикша говорит, маловато будет, вон вы какие лоси! Козлов ему кулак под нос, чего? А он мужик под два метра. Кулак, как голова вьетнамца! Тот шмыг в свою таратайку и растворился в темноте.

Нам потом даже втык сделали за то, что советский человек эксплуатирует другого человека. Ничего себе эксплуатация, да этот чувак на нас недельную выручку сделал!

Но больше не катались на вьетнамских человеках. Маленькие они, жалко...

В

Монако, в резиденции князя Альберта II, прямо около его дворца есть смотровая площадка. Вид с нее просто восхитительный! Дворец-то находится на горе, на высоте почти восемьсот метров! Понятно, конечно, чтобы никакие охламоны с копьями и пиками в гости не лезли...

Глядеть на раскинувшийся внизу город удовольствие необыкновенное, но подзорные трубы дорогие, один евро за три или две минуты.

Славка интереса ради бросил в монетоприемник русские два рубля. И - о чудо, сработало! Заработала труба, приняв два российских с двуглавым орлом рубля за евро.

Насмотрелись зато на красоты Монте-Карло аж до красных точек в глазах, двухрублевиков у нас было достаточно.

Бывает же такое! Поехал я в Канны, посмотрю, думаю, на знаменитый конгресс-холл где проходят не менее знаменитые каннские кинофестивали. Паровоз буквально за десять минут домчал меня из Ниццы в Канны, вышел, огляделся и пошел бродить по фестивальной столице. Осмотрел что мог, пофотографировал «объекты», попил винца и отправился назад.

Вечером того же дня случайно включил третий канал местного телевидения, бац! а там я иду по знаменитой Cote d'Azur, башкой верчу во все стороны, чего то там хрюкаю себе под нос... Конечно, видел я себя буквально полторы-две секунды, но пробрало. Приехать из Питера и увидеть себя во французских новостях! Скажи кому, хрен поверят!.. А главное, что никаких телевизионщиков я даже не видел. Неужели происки скрытой камеры. Слава Богу, что ничего непристойного не делал. Пиво там из горла или батон всухомятку...

В Монте-Карло, когда уже ноги отваливались от бесконечного брожения по горбатым улицам, мы, уставшие, ждем автобус, чтобы доехать до замка князя Монако. Славка, говорим мы с Богорядом, было бы правильней взять тачку напрокат и ездили бы куда хотели, а не полировали подошвы по улицам... Ага, сказал Шилов сердито, я вам за переводчика, за проводника, еще водилой заделаться. Совсем уже...

Я прилетел в Ниццу на несколько дней раньше ребят, поброжу, думаю, по взморью, в Италию смоюсь, пошляюсь по историческим местам... Ну и естественно, тяжело одному без русской речи. Поэтому иногда называл в Питер. И вот один из разговоров Мельника с Богорадом. Итак.

Я лежу на здоровенной кровати в 412 номере гостиницы «Меркьюри», в руке телефонная трубка, в другой бокал с номерным «Бордо». Звоню в Санкт-Петербург. На часах 23.19 Москвы, минус два часа местного времени: - Витя, привет, у меня все нормально. Погода здесь плюс пятнадцать (февраль на дворе!), солнце, пальмы, зелень кругом... Жду когда приедете. Самое главное – не забудь взять штопор, а то нечем вино открывать! Ну, пока, обязательно жду штопор!..

Не верите?! Истинная правда! Вот так и живут карикатуристы, то штопор в России забудут, то ключи от квартиры в Берлине потеряют...

Давно это было, в 1987 году. Богорад приехал в Легницу, в Польшу и ползет в крошечной темноте в два часа ночи, разыскивает гостиницу «Купрум». А так как он не спал почти двое суток, пересаживаясь с одного поезда на другой, да «навстречался» с польскими друзьями, то бредет во мраке ночи покрениваясь и покачиваясь. И вот ему навстречу тоже покрениваясь и покачиваясь идет майор Советской Армии. Остановился, оглядел Богорада с ног до головы и говорит: «Ты, парень, будь осторожнее, тут поляки». «Какие поляки?», удивляется Богорад, имея в виду, что два ночи и на улице ни души.

Майор потом долго стоял, задумчиво почесывая мозг под фуражкой. Наверное, подумал, а вдруг этот хиппи волосатый по пьяни перешел границу и думает, что он в Германии...

Легница-то, бывший немецкий город. Дрезден-то, тьфу, рядом почти...

Мы решили зайти в самое – самое роскошное казино в Монте-Карло и предложить свои услуги в плане проведения выставки, типа «Казино, казино, ты на радость нам дано»... Благо, в Питере делали работы для казино «Премьер».

А теперь представьте лишь на минуточку картину. Подходит к казино три непонятных человека. Я с ог-

ромным пакетом, который по идее должен был отправить по почте в Питер, но как на грех почта в Ницце в тот день не работала, воскресенье. Здоровенный мужик (Богорад), которому «медвежатником» работать, сейфы вскрывать, а не карикатуры рисовать. Славка в осенней куртке с надвинутым на лоб капюшоном. Троица та еще!..

И ладно бы играть пришли, может быть в этом огромном пакете куча евромонет, это еще куда ни шло. Но какую-то выставку здесь захерачить!... В этом роскошном бело-розовом казино!!!

Выскочил на ступени главный секьюрити, небольшого росточка, мужик, оглядел нас и выпучил и без того выпуклые черные глаза. Славка объяснил ему цель нашего визита. Смуглый секьюрити побледнел даже, похоже. Полный улет! Кто эти трое? Что им здесь надо?! Какая такая выставка? Но быстро взял себя в руки и сказал, чтобы приходили в четыре часа дня в главный офис. Туда, показал он рукой на не менее роскошное здание.

Но мы, к сожалению, в 16 часов так и не пришли, а вскоре вообще улетели из Франции...

И вот мне кажется, живет в далекой Франции, в Монте-Карло человек и каждый день пытается понять, кто были эти трое, жулики, полные дураки, художники?!. И почему они не пришли, если договорились? И что же им все-таки надо было?

Да, наверное, зря он тогда не позвонил в полицию, может быть получил бы прибавку к жалованию за бдительность...А так!.. Эх, обидно... И ждет нас... ждет, я уверен. Второй-то раз он такой момент не пропустит!

Шилову Славке притаранили халтуру, но у него был другой заказ и он перебросил эту халтуру мне. Я тоже по какой-то причине был занят и перебросил ее Богораду. А у него как раз на этот момент было свободное «окно».

Заказчик просил сделать обложку для детского английского учебника, и чтобы было красиво, нарядно, и детишкам в радость. В радость так в радость, сказал Витя и уселся за компьютер. А надо сказать, что Богорад прекрасно знает немецкий, английский же не его «родной» язык. И на беду оказалось, что в названии скрылась нехорошая ошибка (то ли заказчик, частное лицо, был неграмотный, главное деньги сорвать, то ли еще что), но ошибка выпрыгнула такой жуткой, что когда школьные учителя увидели этот «учебник» им стало просто нехорошо, на обложке явно прочитывалось неприличное английское ругательство. А ведь книжка то для деток...

Потом Богорад рассказывал, что кроме того, что заказчик был жуткий скареда, он еще оказался пройдохой, пытался в деньгах его кинуть. Вот, Бог его и наказал, посмеивался в безусую щетину художник «Смены»... А нефиг нафиг!

З ахожу в Ницце в джазовое кафе, даже название запомнил «CAVE ROMANTIAN». Такое , средненького пошиба . Пол посыпан опилками... И атмосфера, ну просто суперпростая. Какой-то задрипанный туалет, никаких выпендрежей в интерьере, бармен, мужик под пятьдесят красиво небритый, правда видно, что не плебс, руки выдают породу. Слева от стойки сидит клошар, весь какой-то примороченный, на ногах не то кеды, не то тапки, старый, сморщенный. Курит «Марлборо». Справа от стойки огромный до потолка стеллаж с книгами. Тихонько мурлыкает джаз. Люблю я такие заведения. Здесь себя чувствуешь как дома, уютно и спокойно, неважно, что ты за границей. Справа от стойки сидят за столом четыре негра, играют в карты. Никто ни на кого не косится, не оценивают глазами, мол чего это иностранца тут какого-то занесло. Сел за столик. Ни тебе не мешают, ни ты не мешаешь, наблюдаешь себе за непонятной жизнью.

Заказал бокал вина, достал со стеллажа книгу 1954 года о французской фотографии, разглядываю картинку. Людей мало. Дневное время, вечером, наверное полным-полно завсегдатаев, надо бы вечером сюда наведаться...

Заходит человек, поздоровался с этим клошаром с поклоном, выпил пива, ушел. Потом зашли двое чуваков и тоже с поклоном поздоровались с ним, выпили вина, ушли. Потом пришел какой-то шикарно одетый месье, первым делом поздоровался с этим стариком, заказал себе сложный коктейль, затем второй... Время как-то остановилось. Я сижу и наблюдаю, не понимая ни языка, ни того, что происходит. Просто сижу, медленно пью вино и смотрю на все это. Ощущение такое, будто бы я здесь жил

давным-давно, но просто сейчас все позабыл... Что это был за старик, которого у нас бы давно пинками выгнали из кафешки? Бомж, бывший хозяин кафе, спившийся музыкант?.. Тайна.

В Ницце, после карнавала нас пригласили в шикарный ресторан отметить окончание праздника. Сдвинули столы к куче (прямо как у нас!) расселись вокруг и пошли поднимать чарки. Сначала тосты французы говорили, а потом спросили, а как у вас в России говорят в таких случаях. Я говорю есть у нас такой простой тост, короткий, но емкий – «Ну, будем!» «О, будим, хороший тост!» сказали они после того как я объяснил его суть. В произношении французов это слово звучит мелодично и музыкально: «Бу-уудием!» После этого весь вечер звучало : «Будием!» А Богорад говорит, а представь себе слово приживется, как и прижилось слов «бистро» и все Лазурное побережье будет говорить «будем» не задумываясь откуда оно произошло, кто его придумал...

Лестно-с, лестно-с, черт побери! Надо бы проверить лет через пять...

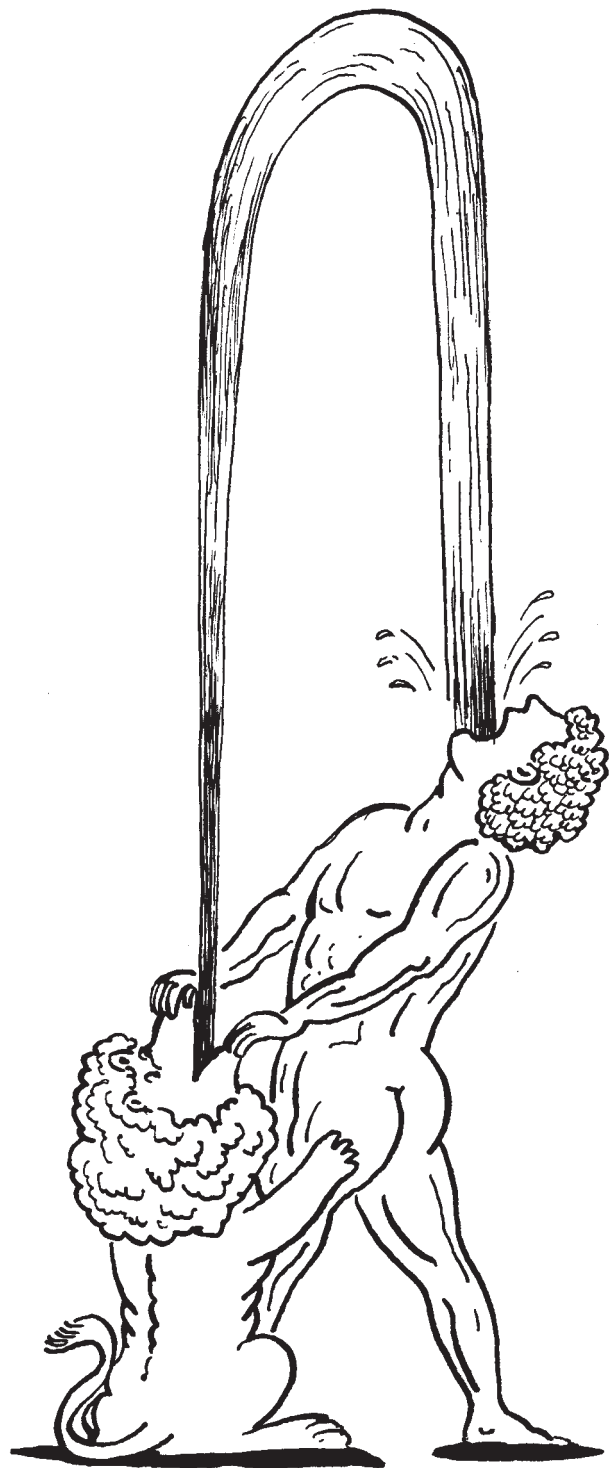

Богорад в приметы не верит, кроме одной. Когда, говорит, ждешь трамвай, а он долго не появляется надо плюнуть на это дело и уходить. Через пару минут тот обязательно появится. Мы с ним проверяли – все сходится. Но тут недавно его просто достала одна заморочка.

Работая с московской газетой «Ведомости» он заметил одну закономерность. Стоит ему с кем-либо назначить встречу, поднять рюмку за встречу, обязательно раздастся звонок и просят срочно делать новую картинку. То материал слетел с полосы, то срочно новая тема идет в номер. И так, говорит он, из раза в раз! Прямо чертовня какая-то! Если не встречается ни с кем, не поднимает здравицу – никаких звонков. Все нормально. Но только стоит...

Я уже просто боюсь, сказал Витя, поднимая рюмку и посмотрел на мобильный. Но тот молчал. Мы в это время были в Ницце и Богорад находился во временном отпуске.

Идем у Богорада в мастерской, пьем пиво, обсуждаем насущные проблемы, выставки, работы, встречи. Вдруг Богорад спрашивает, Леха, ты есть хочешь? Нет, говорю, не хочу. А то у меня все есть, как-то грустно произнес Богорад.

В Амстердаме, в аэропорту бреду с тележкой, качу багаж. Времени навалом, неплохо бы в какую-нибудь кафешку завалиться, «кофе» покурить. Но прежде всего жутко хочется курить. В самолете запрещено, в аэропорту нельзя, а на улице холодно. Хочется в тепле выкурить сигаретку, да вот видимо хрен вам Леонид Григорьевич в сумку, придется идти на улицу. А там холодно, снег лежит. И вдруг, оп-па! Вижу кучу мужиков, над головами дым коромыслом! Слава Богу, курительная зона! Подкатил тележку, сел за столик, нервно прикуриваю. Напротив японец, пьет пиво и курит взахлеб. Попросил его присмотреть за тележкой, тоже взял пивка. Сигарета, пиво, тепло – хорошо! Японец подвигает мне орешки, угощаюсь. Потом познакомились, разговорились. Масааки Сугияма, инженер по садовым машинам фирмы «Комацу». Тоже только что прилетел, и тоже не хочет идти курить на холод. Сидим, болтаем, курим, по второй пива взяли, по третьей. Я ему каталог с карикатурами подарил, смеется как ребенок. Замечательный чувак! К чему это я... Да к тому, что большинство в мире нормальные люди: японцы, русские, французы, немцы... А поглядели в телевизор, что висел над барной стойкой, посмотрели на этот разгорающийся карикатурный скандал, на эти лица и обоим стало неприятно. И чего людям неймется, чего хотят?..

идим с Шиловым на скамеечке в Монако. Тепло, солнышко, пальмы кругом, небо синее-синее, весеннее. Рядом голуби бродят. Головки трясутся как у припадочных, топ-топ-топ, туда-сюда гуляют...

Леха, говорит Славка, знаешь кто это? Я разомлел и мне все пофиг, а-аа, подумаешь... Нет, ну знаешь кто, показывает он на голубей. Ну кто, кто, голуби. Нет, не голуби, это птичий грипп! Брысь отсюда!

ой кот, идеально белого цвета существо по кличке Сафон, устроил мне однажды сущий кошмар. Один из институтов заказал пятьдесят табличек на двери кабинетов и сроки установили жесткие. Сделав надписи золотом (в те времена это свидетельствовало о солидности учреждения) осталось только покрыть эти таблички с обратной стороны черной краской. Выполнив окончательную операцию я разложил по всей квартире таблички, надеясь, что к утру они высохнут. Вечером меня ожидал ужас. Кот, которого никогда ничего не интересовало, кроме кормушки и туалета, проявил удивительное внимание к табличкам. Самое интересное, что двери в комнаты были закрыты на всякий случай и как он смог просочиться, до сих пор не могу понять.

Вечером картина была ужасающей. Вся квартира была в черных следах этого белого чудовища, да и сам он был словно ярославская порода коров, в черных кляксах. Следы были на телевизоре, шкафах, подоконнике... Постельное белье и покрывала

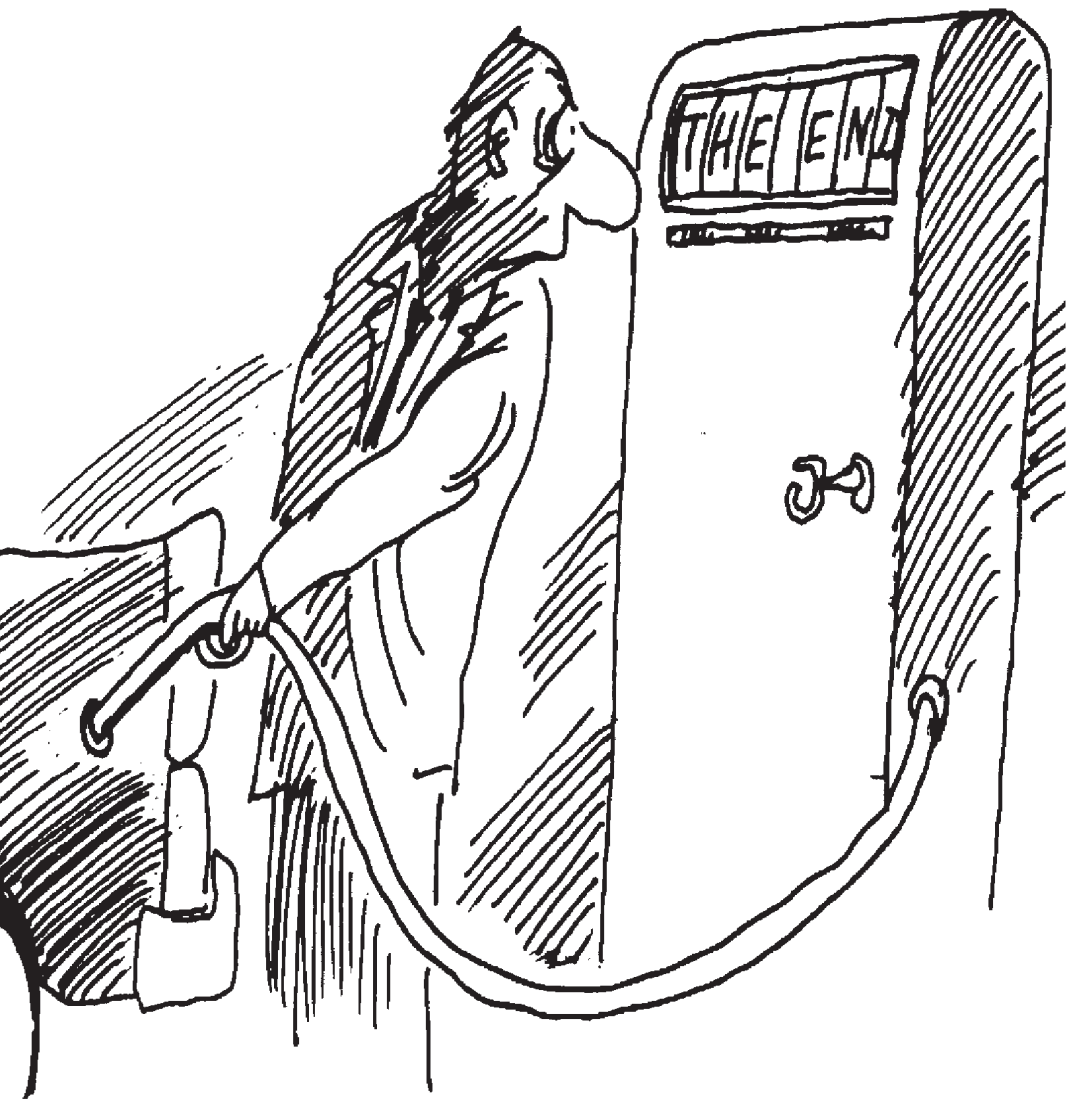
были причудливо украшены его некогда розовыми лапами. Это был конец света, ведь кроме того, что он перемазал всю квартиру, он умудрился снять своими лапищами свежую краску с самих табличек. А это означало полную переделку работы, то есть заново смывать черную краску, сушить, и вновь красить. А времени уже нет.

Я позвонил в институт, объяснил ситуацию и попросил еще два дня. Замдиректора долго не мог понять при чем здесь кот и их таблички. Переспросил, сделал ли я вообще работу, видимо подумал, что я не су полную туфту про кота, просачковал, а теперь пытаюсь выкрутиться. Приезжайте, сказал я, увидите сами (и ведь приехал, не поленился и долго ржал над увиденным. Хотя мне было совершенно не до смеха).

Отмывать масляную краску с паркета, мебели, бытовой техники было ужасно сложно, а смывать ее уайтспиритом с кота – сущее наказание.

Так белый кот попал в черный список.

ы должны были лететь во Францию, в Ниццу и вдруг Богораду позвонил Женя Бударин, фотограф. Звонил он из Ниццы. Представляешь, говорит, зашел в Ницце в туристический офис, узнать, когда начинается карнавал. Откуда вы, спросили его. Из Санкт-Петербурга. А вы знаете таких, Богорада, Мельника, Шилова? Знаю, говорит он. Вот здорово, так вы подождите, они через неделю приедут, встретитесь. Жалко, сказал Бударин, времени у меня не было, а то бы встретились...

Стап Бендер очень хотел поехать в Рио де Жанейро, – белые штаны, мулатки, прогулки по набережной и все такое... И у нас была такая мечта, которая тоже благополучно не состоялась. Приходит письмо из Бразилии, в котором эти ребята жутко захотели провести выставку петербургских художников именно в их городе. Не отвечать же отказом. И завязалась многолетняя переписка. Приходили большие и толстые конверты с фотографиями и описаниями. Это дворец, в котором будут экспонироваться ваши работы. Через два месяца – другой конверт. Это гостиница, в которой вы будете жить. Сначала они хотели пригласить одного Богорада, он отказался ехать один, потом речь пошла о всей группе, но с понижением гонораров, потом оказалось, что в этой гостинице нам жить не придется, уж слишком она простенькая, через некоторое время, почесав свои бразильские репы, прикинули, что, чем проще гостиница, тем лучше, и денег на гонорар больше останется. Потом решили, что приедет эмиссар из Бразилии и сам отвезет наши работы. Мы им показали большой шиш и сказали, что и сами можем приехать, чего зря гонять человека туда-сюда. Переписка могла бы длиться еще несколько лет, но группа «Нюанс» оказалась умнее. Мы просто послали их подальше вместе с белыми штанами и пароходами и решили, что нам и здесь неплохо. Хрен ли там, Бразилия, нас и здесь неплохо кормят. К тому же говорят, что страна эта неблагополучная. Выкрадут и увезут в джунгли на плантации убирать урожай маиса. На фи́га нам это надо!

Подписано к печати 17.12.2005 г.
Тираж 3000 экз.
Заказ №193

Отпечатано в ООО «ИПК «БИОНТ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр., д. 86
тел. (812) 322-68-43